

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

РЕИНКАРНАТОР

Таинственная история
о карме и перерождении

ЮЛИЯ РЫЖЕНКОВА

Абсолютное оружие

Юлия Рыженкова

Реинкарнатор

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рыженкова Ю.

Реинкарнатор / Ю. Рыженкова — «Эксмо», 2021 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-106022-0

Перерождение в нашем мире, с воспоминаниями о прошлой жизни, происходит при помощи сотрудников скорой реинкарнаторской помощи. Они записывают карму через специальное устройство – кармограф. Константин Колесов служит в этой организации и каждый день встречает умирающих. Очередной вызов становится переломным в жизни Колесова. Кармограф не срабатывает на профессоре из НИИ Реинкарнации – данные показывают, что профессор никогда не жил. Шокирующий инцидент привлекает внимание таинственного Ордена реинкарнаторов, и Колесов вместе с внучкой профессора оказываются втянутыми в запутанную историю, которая обернется для них большой любовью и скрытой силой. Что это? Дар или проклятие?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106022-0

© Рыженкова Ю., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Юлия Рыженкова

Реинкарнатор

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Рыженкова Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

– Стой! Сворачивай! Во двор! Я почувал.

Митя резко крутанул руль и включил мигалку. Ночной город вздрогнул, шарахнулась оказавшаяся на пути легковушка. Они съехали с хорошо освещенного шоссе и будто пересекли границу живых и мертвых. Вместо гладкого асфальта под колесами оказались колдобины и лужи; свет фар продирался сквозь темень, как сквозь джунгли, выхватывая то чуть тронутые ржавчиной железные качели, то пустые сейчас скамейки, то двери подъездов. В окраинных районах дома представляли собой похожие друг на друга панельные коробки, причем исключительно многоподъездные. Беда для оперативника в таких работать!

Яму они не увидели, но уж ощутили – будь здоров! Машина чиркнула брюхом об асфальт, Митя сквозь зубы выругался, но Костя вообще ничего не заметил. Впрочем, шофер не удивился: раз сказано «я почувал», значит, начинается странное. Все они, когда чувуют, становятся странными, будто уже и не людьми.

Костя указал, где остановиться, схватил чемоданчик и выскочил из машины, едва та затормозила. На мгновение замешкался. Два подъезда рядом. В какой? Времени на раздумье не было, и пришлось выбирать наугад.

Подъезд приветствовал запахом кошачьей мочи, окурками и полумраком. Это иногородние уверены, что в Москве везде неоновые огни, дорогие автомобили и сплошной праздник жизни. Те, кто уже пожил в столице, знают, что такая нищета, как в этом городе, мало где встречается. Впрочем, и такая роскошь тоже. Одних это закаляет, других ломает и лишь на дежурных оперативников действует как духовная практика, после которой к жизни начинаешь относиться философски. Сложно стремиться к деньгам и власти или бояться бедности, когда одно сменяет другое со скоростью маленькой желтой машинки, мотающейся по городу по вызовам и провожающей в последний путь нищих и миллионеров, работяг и поэтов, убийц и их жертв.

Запах вел лучше любого фонаря, ноги сами перемахивали через две-три ступени, а в голове стучало «успеть-успеть-успеть!». Слишком мало времени оставалось. Пятый этаж. Это должно быть здесь. Костя вдавил кнопку звонка, еще и еще раз. Залаяла собака, затем раздались шаркающие шаги, звяканье ключа...

– Кто там? – послышался старческий голос. Из-за двери сочилось недовольство. Все они поначалу недовольны, раздражены, пока не поняли, пока не поверили в то, что происходит.

– Фохао. Реинкарнация.

Сдавленный вздох услышать было невозможно, но Костя знал, что он есть. Всегда бывает.

Дверь распахнулась, но, против ожиданий, запах не усилился. Испуганные глаза, взъерошенные седые волосы, полосатая пижама... нет, от этого старика не пахло смертью. Тогда кто же?

– Вы за мной? – пролепетал он.

Костя гаркнул:

– Кто еще в квартире?!

– Я один живу...

Пес жался к ногам старика, не переставая отчаянно, до хрипоты, облаивать странного незнакомца, что ввалился среди ночи, напугав хозяина.

Стоило реинкарнаторам почувать смерть, и окрестные псы сходили с ума от злости и страха. А вот кошки плевали на все с высокого дацана. Говорят, недавно ученые выяснили, что и реинкарнаторы, и кошки живут на границе миров, между жизнью и смертью, а собаки как хранители жизни терпеть не могут проводников смерти. Вот и бесятся и от тех и от других. Сами реинкарнаторы в этот бред не верили, тем более фамилий «ученых» под исследованием

не стояло. Зато пресса активно обсасывала новость. У кошек, понятное дело, комментарии получить не удалось.

– Ох... вы что же, за моим Графом? Нет ведь, правда? – обнял старик лохматого сеттера.

Костя даже отвечать не стал. Это первые годы, в начале работы, ему казалось нужным и важным просвещать, отвечать на idiotские вопросы, объяснять, развеивать мифы. Потом стало ясно: все без толку. Народное творчество сильнее всех доводов, фактов и логики. И пусть. Хотят люди считать, что реинкарнаторы – мифические существа с черными крыльями, острыми зубами и когтями? Пусть. Уверены, что те питаются кровью и человеческими мечтами? Тоже пусть. Думают, будто способны наслать на врагов смерть и лично от Князя Смерти получают указания? Да пусть! Лишь бы не мешали работать.

А то впадут в истерику от страха и потратят драгоценные минуты на ерунду. В том году один псих при виде Кости стал убегать от него – по всему подъезду бегал в чем мать родила, орал и отмахивался, так что даже пришлось вызвать шофера на подмогу. Только вдвоем удалось скрутить полоумного и привязать к стулу. Так и помер, бедолага... Но хоть не дрался! Тяжелей всего работать с теми, кто защищается, кто уверен, что сражается за свою жизнь! Вроде с детства всем вбивают в голову правила первой помощи умирающим, объясняют, что делать, если приехала Скорая реинкарнаторская, но большинству это как колокольный звон: в одно ухо влетело, в другое вылетело. Выучил – сдал – забыл. Старик вот считает, будто реинкарнаторам есть дело до домашних питомцев...

Костя не заметил, что прошел насквозь коридор, гостиную и спальню, и очнулся, лишь когда уперся в стену, из-за которой несло чуть сладковатым запахом смерти. В народе его как только не называли: и запахом трупа, и смесью одеколона «Шипр» с жженым сахаром, и даже запахом жареного мяса. Ужасное сравнение, ставшее с легкой руки писателей штампом. Реинкарнаторы от него морщились, все, кого ни спросишь. Грубо очень, наотмашь, и неверно. Смерть пахнет чуть слышно, тонко, она и сама крайне деликатная особа, приходит мягко, как снег, но бескомпромиссно. С жареным мясом честнее сравнивать жизнь. Ни у кого она не бывает, как говорят англичане, well done. То с кровью, то с болью, а то и в печь приходится лезть да по горячим углям ходить. Души иначе не закаляются.

– Что там? – рявкнул Костя, уперев палец в стену.

Старик вздрогнул:

– Квартира в соседнем подъезде, там живут...

Но Костя уже не слушал, ринулся прочь, обратно по лестнице вниз, перепрыгивая ступеньки. «Успеть-успеть-успеть...» – билось в его мозгу.

Он не заметил, как выскочил на улицу, рванул дверь в соседний подъезд и взбежал на пятый этаж. В этом состоянии реинкарнаторы вообще окружающий мир почти не замечают. Тот размывается, будто смотришь через толщу воды: ткань бытия истончается, уходит на задний план, и лишь запах пульсирует, словно вена, соединяющая умирающего с реинкарнатором. Спроси его потом, где был, что видел, – он лишь недоуменно пожмет плечами. Смерть видел, что ж еще?

Эта особенность убирает все эмоции, в том числе страх. О, сколько пафосных книг и стихов написано о героях, ради слепка кармы пересекающих линию фронта или бросающихся в горящий дом! Люди восхищаются их бесстрашием, принимая его за самоотверженность. Сами же реинкарнаторы считают, что прославлять их смелость – все равно что восхищаться отвагой умственно отсталого: ни тот ни другой просто не ощущают опасности, не видят ее, не понимают.

Костя снова вдавил кнопку звонка и снова услышал вопрос «кто там?». Ответ все тот же: «реинкарнация», и опять тяжелый вздох. Раньше он пытался угадать, кто откроет дверь: мужчина или женщина, молодой или пожилой, но результаты не выходили за рамки «статистической погрешности», как их оценил друг Женька. Другими словами, ощущение смерти никак не

связывало с личностью умирающего. Реинкарнаторы понятия не имеют, за кем пришли, пока не сталкиваются с этим человеком нос к носу.

Дверь открыла невысокая стройная женщина. На ночную рубашку накинут халат, пальцы теребят узел пояса. Нет, с ней все хорошо... Правда, «хорошо» продлится недолго, еще две минуты и сорок семь секунд. Он запретил себе жалеть родственников еще лет пятнадцать назад, иначе просто невозможно, иначе надо уходить из профессии. Самое сложное не в том, чтобы каждый день слышать последний вздох умирающего; гораздо тяжелее выдерживать горе оставшихся в живых.

Женщина уже поняла, что пришла беда, но признавать все еще отказывалась. Она смотрела снизу вверх на высокого худого мужчину в черной форме, так похожей на военную, на сосредоточенные зеленые глаза, резко очерченные скулы и темные лохматые волосы. Так выглядела смерть. Для нее.

– За кем? – прошептала, с ужасом перебирая в голове варианты. Из детской раздался плач, и пальцы непроизвольно стиснули пояс халата.

Но на разговоры времени не оставалось совсем. Костя вихрем ворвался в квартиру, отпихнув хозяйку.

– Светка, кто там? – открыл дверь комнаты и прошлепал босиком по коридору отец семейства. Жить ему оставалось какие-то крохи. Вместе с запахом из мира исчезали и краски, и сейчас лишь этот полноватый мужчина лет сорока в семейных клетчатых трусах казался нестерпимо, чрезмерно ярким и реальным. Натянутые Костины нервы чуть отпустило: успеет! Остальное не важно.

Многие называли реинкарнаторов бесчувственными, лишенными эмоций, а то и извращенцами, получающими удовольствие от чужой смерти. Это, конечно, ерунда. Они обычные люди, с разными чувствами, так же радуются и печалются, бывают добрыми и злыми. Просто к смерти относятся спокойно. Но это тоже не уникальная особенность: далеко не все боятся умереть.

Странно: почти пятьсот лет как на Земле появились Купола, тьма народу живет по второму, третьему, а то и четвертому разу, и при этом до сих пор многие считают смерть чем-то ужасным. Ну да, это не прогулка в театр, но сходить с ума от горя?! Костя не мог этого понять. Наверное, потому, что он, как и все реинкарнаторы, с рождения знал, что такое смерть, чувствовал ее, видел ее глазами.

В два года в гостях маленький Костя спокойно произнес, что «деда чичас умрет». В памяти не остались ни взволнованные взгляды родителей, ни сжатые добела губы деда, ни беготня. Зато тот первый запах, запах, сопровождающий его жизнь, он запомнил очень четко, навсегда. Откуда он знал, чем пахнет? Просто знал.

Родители не хотели верить... В конце концов, с дедушкой он мог просто угадать: тот давно болел, последнее время не вставал с постели. А пахло... может, лекарствами. Увы, через несколько лет мальчик вновь «угадал». Мать потом долго рыдала в спальне, а отец ходил кругами по квартире, будто верующий вокруг ступы. Это уже позже Костя понял, чего это они. Тогда же просто пожал плечами и выбросил из головы. Ну подумаешь, чует смерть. Верка вон помнит своего убийцу, поэтому в бассейн не ходит. Воды боится до одури. Дядя Леша объяснил, что это панические атаки, а про убийцу Маринка всему классу растрепала, а еще подруга называется! Хорошо, Верка не в курсе, что все уже знают... А раз он, Костя, чует смерть, значит, он еще и беспамятный – никогда не вспомнит своей прежней жизни, жизни до рождения.

– В комнату! Живо! – Костя втолкнул умирающего за дверь, бросился на колени, быстро, но бережно положил перед собой чемоданчик и щелкнул замками. Краем глаза увидел в дверном проеме знакомый халат и, не поворачивая головы, приказал: – Вон отсюда!

– Нет! – жена из оцепенения сорвалась в истерику. – Вы не можете! Это ошибка! Он здоров! У нас дети! Так нельзя!

– Будите детей! Закончу – попрощаетесь! – Костя подскочил, выпихнул ее из комнаты и захлопнул дверь, мысленно добавив: «Если успеете...»

– Значит, я сейчас умру? – растерянно пробормотал мужчина, сидя в одних трусах на смятой кровати, где только что спал в обнимку с женой.

Ответа он не услышал. Лишь лампочка на кармографе на мгновение мигнула зеленым, а затем стала красной.

Костя отошел на два шага, чтобы не смазался слепок. Черные хромовые сапоги громко цокали о паркет в тишине.

– Мне страшно... – Мужчина задыхался, разевая рот, как рыба. На несколько секунд ему удавалось прийти в себя, и тогда он говорил. Видимо, это придавало сил пережить следующий приступ.

– Не бойтесь, это не самая плохая смерть. У вас она будет быстрой и легкой.

– А что дальше?

Костя развел руками:

– Будто не знаете! Переродитесь как миленький. Я же успел!

– Да... все никак не привыкну умирать. Тошка, Машка... они ж еще в садик ходят, как Светка с ними справится без меня?

Костя вместо ответа спросил имя и фамилию – потом потребуется для отчета.

Кармограф пискнул, и лампочка вновь стала зеленой, как Костины глаза. До последнего он сомневался, что успеет. Слишком поздно почувал, времени почти не оставалось.

– Прощайтесь! – крикнул он, распахивая дверь.

В спальню влетели жена и двое детей и замерли в ужасе. Папа стоял на карачках, задыхался, хватал ртом воздух, нелепо размахивал руками в попытках схватиться за что-нибудь. Лицо уже начало синеть.

– Помогите ему! – закричала женщина, но Костя разбирал кармограф и будто не слышал. Симптомы походили на тромбоэмболию в легочной артерии, а это однозначная смерть. Впрочем, диагноз абсолютно не важен. Если появился запах, то все уже не важно.

Пока жена бессмысленно суетилась, а дети ревели, Костя вышел из комнаты и вызвал «скорую» медицинскую помощь. Именно она зафиксирует смерть. Затем ушел, пока на него никто не обращал внимания.

Женский отчаянный крик, переходящий в вой, был слышен даже на улице, а для Кости мир наконец обрел свой объем, запах и цвет. Преобладал черный. Цвет ночи.

Машина нашлась по огоньку сигареты: Митя вовремя вылез на перекур.

– Едем? – приготовился он выбросить окурок.

– Погоди.

Косте нужно было очухаться, подышать холодным осенним воздухом, подождать, пока сердце перестанет стучать, как у жокея на скачках, и адреналин уйдет из крови. Он не боялся смерти, но до ужаса боялся не успеть. У Кости, как и у коллег, иногда на руках умирали по-настоящему. Без слепка кармы. Значило ли это, что они больше не перерождались? Известно. Весь штат московского НИИ реинкарнации не мог ответить на этот вопрос. Считалось, что умершие без слепка рождались вновь, но не помнили прошлую жизнь.

Оставались ли они теми же самыми личностями? Над этим вопросом до сих пор ломают головы философы, для простых же людей смерть без слепка кармы – окончательная, настоящая. Если живешь в другом теле, в другой семье, может, даже в другой стране и ничего не помнишь о себе прежнем – ты уже другой человек, прежний ты умер. Умер не только для всех родных и друзей, но в первую очередь для себя.

– Ладно, хватит мерзнуть. Поехали, – вздохнул Костя.

Они забрались в тепло салона, и двигатель ожил. Желтая машинка с надписью «Скорая реинкарнаторская помощь» тихонько, чтобы не разбить подвеску о колдобины, поехала на

патрулирование по Москве. На капоте красовался символ Министерства реинкарнации: круг, прерывающийся в трех местах. Он же был на чемоданчике с кармографом и на вороте кителя сотрудника «скорой».

Костя достал свой рабочий коммуникатор. Машину потряхивало, и палец то и дело попадал в соседние буквы. Это бесило, но останавливаться не хотелось. Надо всего лишь записать имя, адрес и время слепка, и опыт подсказывал, что лучше это сделать сейчас, пока помнишь. Без этих записей в статотделе не примут пластины с кармой, сиди потом, насилуй память.

Покончив с бюрократией, он включил радио. Пошелкал и остановился на новостях. «Президент нанес официальный визит в Королевство Раттанакосин...», «Два человека погибли во время демонстрации за независимость Сенегала от Франции...», «Российские хоккеисты вышли в полуфинал...».

Митя поморщился, но смолчал. По негласной привычке во время дежурства реинкарнаторам никто не смел перечить, они выбирали дорогу, радиостанцию, темы для разговоров и даже кофейню, где под утро, когда спать хотелось сильнее, чем жить, покупали обжигающе горячий кофе в бумажных стаканчиках. Впрочем, Константину Юрьевичу вообще мало кто осмеливался перечить: семнадцать лет работы на «скорой» – это не шутки!

Его неоднократно звали к себе частные фирмы, но он отказывался, несмотря на мизерную зарплату и выматывающий график сутки через двое. Формально, конечно, через трое, но оперативников всегда не хватало, так что часто приходилось затыкать дыры. Вот как сегодня. Все знали: самые тяжелые смены – с ним. Ни отдыха, ни продыха. Он будто гончая, взявшая след. Закончить пораньше хоть на полчаса? Ха! Забудь. Спасибо, если еще не задержишься на час-другой.

Новости на радио сменились болтовней об отмене обязательной реинкарнации. Законопроект рассмотрели уже со всех сторон, о нем высказались не только политики и экономисты, но даже артисты, певцы и спортсмены. Лишь российская буддистская община молчала, будто дала священный обет. На окончательное решение по законопроекту, при горячей поддержке правительства и категорическом неприятии Ордена реинкарнации, могла повлиять именно позиция общины – позиция третьей силы. По радио проправительственный экономист сулил огромную экономию бюджетных денег. Вот только не уточнял, что экономия предполагалась за счет увольнения реинкарнаторов и еще большего снижения и так скудного финансирования «скорой» помощи. Молчал и о том, что в частных компаниях цены за слепок кармы сразу бы подскочили вдвое, а то и втрое, что закрывало возможность перерождения беднякам, а это несколько миллионов россиян. Зато о пополнении казны за счет налоговых отчислений разливался соловьем.

Костя злился, когда слышал эти аргументы, но через секунду все это стало не важно.

– Газу! Газу!

Шофер вздрогнул, вдавил педаль в пол, врубил мигалку и крутанул руль. К счастью, разворот на сто восемьдесят градусов с заносом прошел без инцидентов: Рязанское шоссе по случаю глубокой ночи и начала праздника Огней пустовало. Будь Костя сейчас в нормальном состоянии, Митя бы огреб. Ну кто так водит?! Врезались бы – и машину угробили, и к пациенту не успели бы. Но он не заметил опасного маневра и привычно ткнул пальцем в карту на коммуникаторе. Точка замигала красным, сообщая диспетчеру Скорой реинкарнаторской, куда они едут.

К первому запаху внезапно примешался второй, еле ощутимый, но все же вполне четкий. Костя ткнул снова в коммуникатор, и вторая точка, будто гематома в порванной артерии, запульсировала, сообщая еще об одной смерти. В этот момент ожила рация:

– Четвертый, видим ваши сигналы, куда поедете?

На выбор оставалось несколько секунд. Костя мог спасти лишь одного: между двумя умирающими чуть больше километра, и оба долго не протянут. Но у второго все же время смерти позже, и есть небольшой шанс, что к нему успеет другой оперативник.

– К первому.

– Вас понял.

Через несколько секунд второй запах пропал: Костя вышел из зоны восприятия. Утопив педаль газа в пол, шофер гнал к тому, кто умрет раньше.

Желтая машинка нырнула в очередной двор, вспугнув кота, но не остановилась у домов, а пролетела дальше, к мусорным бакам и железной дороге.

– Тормози. Дальше не проедешь, – скомандовал Костя и обхватил ручку черного чемоданчика.

Под сапогами хрустело битое стекло. Ветер мотал полиэтиленовый пакет, зацепившийся за торчащий из земли железный прут. Воняло тухлятиной, как обычно на помойках, но сладковатый запах смерти все перебивал. На самом деле реинкарнаторы не осязали его в прямом смысле слова, это был внутренний «запах», узконаправленный, он чувствуется тем сильнее, чем ближе находишься к умирающему. Метров за семьсот-восемьсот можно поймать этот «луч» и идти по нему, ощущая всем телом, как компасом. Запахом его называли лишь оттого, что за все столетия существования Куполов так и не придумали лучшего слова.

Костя продрался через мокрые кусты, под ногами захлюпала жижа. Кто-то стонал, привалившись к стенке мусорного бака, но в темноте не разглядеть. Костя вытащил фонарик и осветил длинную рану через весь живот, которую бродяга зажимал руками. Смерть тут уже нетерпеливо переминалась с ноги на ногу в ожидании нового гостя.

Жестяная банка из-под «Праны» под сапогом со скрежетом смялась, привлекая внимание. Очумевший взгляд бродяги сфокусировался, уставился на черную форму. В темноте не рассмотреть ни нашивку Министерства реинкарнации, ни шеврон «скорой» помощи, но все же умирающий моментально понял, кто перед ним. Сухие, обветренные губы пошевелились, а затем с хрипом выплюнули:

– Иди в ад, отродье!

Костя, будто и не слыша этих слов, продолжал собирать прибор прямо на мягкой и липкой от дождя земле.

– Прочь! Не имеешь права!

Лампочка на кармографе загорелась зеленым, продемонстрировав готовность прибора к работе, и Костя поднялся.

С резким гудком пронесся поезд дальнего следования. Фары на миг осветили помойку, и этого бродяге оказалось достаточно. Тот вдруг очутился сзади Кости, встал вплотную и обвил его шею правой рукой; левая продолжала сжимать края распоротого брюха. Запах давно не мытого тела и крови ударил так, что на мгновение перешиб запах смерти. Горло сдавливало все сильнее, воздуха почти не осталось; видно, бродяга не раз пользовался этим приемом, вот только для его успешного проведения требовались обе руки.

Нападение было абсурдным, Костя его не ожидал, за что сейчас и расплачивался. За годы работы чего только не случалось! Это не первая попытка его убить. Инструкция для таких случаев однозначна, и Костя, не колеблясь, выполнил ее: вместо того чтобы пытаться освободиться от захвата, он что есть мочи ударил нападавшего в живот. Раздался всхлип, босые ноги подкосились, и дерущиеся упали в грязь. Бродяга оказался сверху, но шею не отпустил, наоборот, сдавил ее из последних сил. Костя дернулся, попытался освободиться, но оказалось, что не так-то просто сбросить с себя семьдесят килограммов живого пока еще веса. Тогда он врезал кулаком в голову нападающему. Одного раза оказалось недостаточно, а с третьего бродяга потерял сознание.

Из-под обмякшего тела выбраться удалось не сразу. Отдышавшись, Костя проверил пульс на шее своего пациента. Жив. Хорошо. Хотя инструкция предписывала бить на поражение, убивать не хотелось. Да тот и так вот-вот умрет, но пусть все же не от его рук. Реинкарнаторов учили самообороне, экзамен по рукопашному бою по сложности ничуть не уступал экзамену по медицине. Выбить из рук неподготовленного человека нож или пистолет – не проблема. Один на один Костя бы справился со многими. Однако нужно не только справиться, нужно сделать это быстро, обездвигнуть и успеть снять карму. Это уже получалось не у всех и не всегда.

Перемазанный грязью и кровью, оскальзываясь на картофельных очистках, Костя подтащил кармограф поближе к бродяге и врубил запись. Для нее нужна всего лишь минута! Минута, за которую умирающий не выползет из радиуса действия прибора. Иначе все впустую. Иначе зря он торопился, рисковал жизнью, дрался. Иначе – он не спас еще одну личность от забвения. Костя хорошо знал, что такое жить, не помня ничего; совершать ошибки на ровном месте, руша дружбу и любовь из-за детской незрелости; познавать с нуля мир, людей, себя – все то, что перерожденные уже давно знают, что выучили в прошлых жизнях.

Нет, ни этот бродяга и никто другой такого не заслужили. Этому несчастному сейчас кажется, что лучше начать все с чистого листа. Наверняка за жизнь сделал столько дерьма, что знает: в следующей жизни ему ничего хорошего не светит. Вот и пытается сбежать. Но он просто не понимает, что от кармы это не избавит. Причинно-следственную связь невозможно обмануть, и ей все равно, помнишь ты что-то или нет. Тебе, твоим врагам и твоим друзьям воздастся по заслугам твоими руками – эти законы работают, даже если о них не подозреваешь. Просто будешь молотком. Невежественным, ничего не понимающим молотком. Как беспомысленные.

Сидя прямо на мокрой и холодной земле, Костя держал кармограф и был готов в любой момент рвануть вслед за идиотом, который хочет покончить жизнь самоубийством. Осталось досчитать до шестидесяти.

На счет тридцать пять бродяга заворочался и захрипел. На счет сорок три – попытался подняться, но рухнул лицом в грязь.

– Гад, дай мне просто сдохнуть! – всхлипнул он. – Я не хочу продолжать!

На счет пятьдесят три бродяга наконец сообразил, как можно избежать слепка, и пополз, но тут лампочка поменяла цвет с красного на зеленый. Готово. Надо уходить, причем быстро, пока измученному жизнью и болью не захотелось отомстить. Сколько раз Костя собирал и разбирает кармограф! Он мог это делать с закрытыми глазами, на ощупь, как солдат собирает и разбирает автомат. Нормативы на время в «скорой» помощи не сдавали, но за годы работы всем оперативникам пришлось научиться действовать предельно быстро. Костин личный рекорд сборки – сорок секунд. Но тогда его хотели застрелить...

Едва различимые проклятия замолкли, и в следующее мгновение на него обрушилась вся реальность мира: холод, запахи, темнота, тишина и страх.

– О боги Тушита! Вам помочь?

– Ага, выведи из сансары... – попытался улыбнуться Костя своему водителю, но увидел недоуменный взгляд и махнул рукой. Шутки у него дурацкие, как говорил Женька, и если уж друг их не понимал, чего ожидать от юнца с пушком вместо усов? – Вода еще осталась? Салфетки? Тащи.

Первым делом – тщательно обтереть чемоданчик. Тот, конечно, защищал прибор от влаги, грязи и ударов, но все же лучше перестраховаться. Поломка кармографа – это трагедия. И даже не потому, что тот стоит, как квартира в центре Москвы, а потому, что его никто не умеет чинить. Без кармографов реинкарнаторы бесполезны. Что толку чутя смерть? Надо ведь успеть записать карму.

После возни с чемоданом дело дошло и до себя. Заезжать переодеваться – только время терять, уже и так конец смены, пришлось лишь умыться и сполоснуть руки. Форма от налип-

шей грязи не отчищалась, все телодвижения с салфетками оказались бессмысленными, так что Костя просто попинал колесо левой и правой ногой, стряхивая с сапог налипшие комья грязи, и постелил на сиденье пакеты, чтобы не испачкать салон. С трудом стянул тяжелый от влаги китель, швырнул его на пол машины, к заднему сиденью, оставшись в белой рубашке.

Митя вопросов не задавал. Знал, что босс на них не ответит.

Машина медленно выезжала на шоссе по разбитому асфальту. В салоне запахло тухлой рыбой и кровью, но Костя не хотел открывать окна, чтобы не выпускать тепло, наоборот, выкрутил печку на максимум. Аккуратно закатал рукава почти до локтей, чтобы скрыть измазанные кровью манжеты. Движения головой отзывались болью, видимо, шея скоро превратится в один сплошной синяк.

Светало. Из-за вечно серого, затянутого тучами и смогом неба рассвет скорее угадывался, но в желтой машине поняли, что конец смены близок и скоро на базу. Там еще писать отчет, но хотя бы можно принять душ и переодеться. Насыпать себе чаю из жестяной банки и, пока закипает чайник, грызть шоколад, закинув ноги на стол, – все равно в такую рань в кабинете никого, кроме дежурных.

Коммуникатор мигнул красным, и вместе с ним ожила рация.

– Четвертая, прием, четвертая, вы меня слышите?

– Слышим, – ответил Костя.

– Только что пришел вызов с Народной улицы. Вы сейчас ближе всех. Примете?

Митя тяжело вздохнул. До конца смены оставалось минут пятнадцать, можно отказаться, никто слова не скажет, но он знал своего босса.

– Да. Минут через десять будем.

И вновь на желтой машине включились проблесковые маячки.

Ночные дежурства были непредсказуемы, зачастую опасны, но зато продуктивнее дневных. Сколько раз реинкарнаторы торопились по вызову и в бессилии сжимали кулаки, передвигаясь в потоке со скоростью пешехода! Сколько оскорблений, жалоб и угроз на плохую работу службы выслушивали диспетчеры! А с чего ей быть хорошей? Низкие зарплаты отбивали у обычных людей все желание устроиться в службу «скорой» помощи, беспамятных же не хватало. Те, кто был, мотались без продыха по всему городу, точнее, стояли в столичных пробках. Так что в Москве лучше было умирать ночью.

Костя у дома поймал нить запаха, и записанный в коммуникатор номер квартиры не понадобился. Конечно же, в кирпичной башне подъезд оказался всего один. По закону подлости многоподъездные дома встречаются именно тогда, когда нет адреса и очень мало времени.

Этот район оказался приличнее предыдущего, хотя и не столь шикарный, как в центре. Садовое кольцо невидимым куполом надежно отгораживало действительно богатых людей от всех остальных. Впрочем, большинство и не рвалось перейти эту границу. Зачем? Нос при входе в подъезд зажимать не надо, кнопки в лифте не прожжены сигаретами, лампочки все целые, шприцы и банки из-под «Праны» не валяются, хулиганы не пристают, во дворе можно спокойно отпускать детей. Что еще надо?

Костя не заметил ни новеньких почтовых ящиков, ни чистого лифта, ни цветов на подоконнике общего коридора. И хотя нужная дверь оказалась приоткрытой, он для проформы постучал, хотя дожидаться ответа не стал. Квартира оказалась большая, но запах вел лучше любого навигатора.

– Фохао. Реинкарнация. Леонхард Янович?

– Да. А вас как величать? – Старик закашлялся и схватился за грудь. По бледному лбу скатились капли пота. Приступ продлился всего несколько секунд.

– Константин Юрьевич Колесов.

– Хорошо, Костя, надеюсь, ты умеешь пользоваться этой штукой, – кивнул он на кармограф, разглядывая мрачного реинкарнатора в несвежей белой рубашке с закатанными рукавами, черные сапоги оставляют комья грязи на дубовом паркете.

Костя молча положил чемодан на пол и щелкнул замком; он давно не реагировал на подобные подначки даже в обычном состоянии, а уж когда шел по запаху – и подавно.

Леонхард Янович явно хотел умереть. В бледно-голубых глазах не отражалось ни капли страха или волнения, только любопытство. Сколько ему лет? Восемьдесят? И он все еще сохранил любопытство? Обычно оно уходило, стоило ребенку вспомнить прошлую жизнь.

Был период, когда дети долго не выросли, познавали мир, восхищались банальными вещами, открывая их для себя. Но длилось то время недолго. Если в Средние века детям рано приходилось впрягаться в тяжелую работу, чтобы выживать, то с появлением Куполов стало нормой лет в десять, а то и раньше резко повзрослеть.

У всех память возвращалась по-разному, у одних мозаика по чуть-чуть складывалась в пазл и финальный рисунок проявлялся лишь к юности. На других воспоминания обрушивались в одночасье, как снежная шапка на безрассудного горнолыжника. Но все стояли перед выбором: принять старую личность или стать кем-то другим, продолжить прежнюю жизнь или начать новую. Однако что ни выбери, а прошлые опыт, навыки и отношение к миру перейдут по наследству, от них не отмахнешься. Сыщик в новой жизни забудет, как чистить зубы, но внимание к деталям и недоверие к людям останутся на подкорке. Воришка в юном теле не вспомнит таблицу умножения, но руки сами залезут в карман попутчика за бумажником. Никого уже не удивляет, когда семилетний ребенок проводит интубацию отцу, переставшему дышать.

Любопытство в этом мире сохраняли лишь журналисты и ученые. А детство – только беспамятные.

Костины пальцы привычно собирали кармограф, взгляд скользнул вдоль стен по стеллажам, заваленным передатчиками, трансформаторами, а также разными деталями: от транзисторов до компьютерных плат. В голове мелькнула мысль, что старик – радиолюбитель, это объясняло, почему он спокоен. Сильно увлеченные делом часто снимали себе ячейку в банке памяти. Смерть – лишь небольшая помеха, пауза между жизнями. Да и помеха ли? Старое тело уже неспособно продолжать полноценно жить: руки трясутся, голова не соображает, болезни выматывают.

Изредка реинкарнаторов встречали с радостью. Всего лишь умереть, и через несколько лет у тебя молодое, крепкое тело, много энергии и наработки всей прежней жизни. В банках памяти оставляли коды от сейфов с деньгами, акции, документы на недвижимость, научные исследования, недописанные романы – все, с чем не хотелось расставаться после смерти. Да, такие банки незаконны, но кого это волнует, если на кону возможность сохранить что-то действительно ценное? С людьми, которые так относились к перерождениям, работать проще всего. Увы, их меньшинство.

Косте долго казалось странным, что большинство не готовится к новой жизни заранее. Банально, но деньги не помешают. Кто знает, в какой семье родишься? Можно ведь рискнуть и оставить себе накопления. Да, есть вероятность, что государство найдет и закроет банк, в котором твоя ячейка, но вдруг нет? Потом он понял. Просто посмотрел, как люди относятся к собственной пенсии. Лишь двое из его знакомых копили на старость. И дело даже не в том, что остальных устраивали гарантированные государством выплаты – прожить на такие копейки невозможно. И не в том, что не было денег. Были. Больше или меньше, но копить могли многие. Просто не планировали на тридцать-сорок лет вперед. Даже двадцать лет казались ужасно долгими и нереальными. Было бы странно ожидать от таких людей планирования следующей жизни.

Леонхард Янович вновь дернулся от приступа и закашлял так, будто собрался выхаркать легкие.

– Костя, сколько мне еще?

– Минут десять. Не волнуйтесь, успею.

Хорошо, когда есть возможность работать наедине, в спокойной обстановке. Люди непредсказуемы. Кто знает, что в следующую секунду выкинет тихая старушка, увидев, что карму ее мужа записывают на тонкую стальную пластину? Ведь именно от этой записи зависит новое перерождение. Метнется с запоздалыми объятиями, чем запрет снимок? Или возьмет молоток и ударит изо всех сил по кармографу? И такие случаи были...

Эта минута пробежала намного быстрее, чем у мусорных баков, и когда лампочка мигнула, Костя традиционно выдохнул. Успел.

– Ну вот и все. – Он мазнул взглядом по пациенту и вздрогнул.

Глаза старика стали другие. Теперь в них отражалось то ли безумие, то ли восхищение, даже цвет сменился с блекло-голубого на бирюзовый, будто кто-то почистил озеро. Старик начал озираться, словно впервые увидел собственную комнату, поднялся повыше на подушку, чуть не наполовину высвободившись из-под одеяла. Он оказался совсем невысоким, щуплым, ребра выпирали из-под тонкой кожи, живот ввалился, видимо, болезнь в последние дни мешала поесть. Но при этом выглядел не вымотанным и измученным приступами, а наоборот – энергичным и упругим, будто каучуковый мяч попрыгунчик, что долго не может остановиться, если его бросить на пол. Костя никогда не видел такого преобразования.

– Вы в порядке?

– Я... я не знаю, что считать порядком. Могу только сказать, что это... изумительно! Да-да, изумительно! Благодарю вас!

– Не за что... – пожал плечами Костя. – Удачи в новой жизни.

Это было традиционное пожелание, только не всегда реинкарнаторы успевали его произнести.

– Благодарю, но мне она уже не понадобится. Это моя последняя жизнь. – В бирюзовых глазах мелькнуло... торжество?

Леонхард Янович – Будда или псих? На мгновение показалось, что он действительно Просветленный, выходящий из сансары. Но это же невозможно! Костя себя одернул. То, что он, Костя, не верит в Будду, не означает, что прервать цепочку перерождений невозможно. Вот только этим занимались монахи в монастырях и дацанах, и Министерские реинкарнаторы туда не допускались. Изредка Косте встречались мирские гуру, уверяющие, что они архаты или бодхисаттвы, – это помогало набирать учеников. Но за минуты до смерти, один на один с реинкарнатором, гуру срывающимся голосом задавали извечный вопрос: а что там, после жизни? Помнить посмертие не дано никому.

Впрочем, это не важно. Будь старик хоть Просветленный, хоть псих, Костя свою работу сделал, дальнейшее от него не зависит. Он убрал кармограф в чемодан и шелкнул замками.

Леонхард Янович улыбнулся и произнес с такой теплотой в голосе, будто обращался к лучшему другу:

– Прощайте, и удачи. Вам она как раз понадобится.

Костя ничего не ответил, взял чемодан и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. На тумбочке рядом с телефоном и ключами от квартиры сиротливо валялась раскрытая книга, обложкой вверх: «Теория карма-поля».

Смерть зачастую приходила к людям неожиданно, и вдруг оказывалось, что вещи и домашние питомцы пережили своих хозяев. Книги оставались недочитанными, шарфы – недвязанными, животные – в одночасье брошенными. Раньше эта обыденность пугала Костю. Потом он привык, хотя ощущение неправильности осталось. В такие минуты он отчасти понимал древних египтян, отправляющих в могилу вместе с фараоном все его имущество.

Но пока горечь не ощущалась. Леонхард Янович еще жил, а значит, Костя не способен ни сочувствовать, ни радоваться, ни бояться. Он просто шел к лифту, не обращая внимания на подсохшую грязь, сыплющуюся с сапог. Пора вызывать медиков, пока доедут...

Машина нашлась не по включенным фарам – ее вдруг стало видно. Входная дверь дома то и дело хлопала: жильцы торопились на работу до утренних пробок.

В салоне играло что-то бодрое: шофер в отсутствие босса включил музыкальный канал. Костя аккуратно положил чемодан на заднее сиденье, сам плюхнулся на переднее и выключил радио. Хотелось тишины. Митя ничего не сказал, просто вдавил педаль газа и с пробуксовкой рванул с места.

– Мы никуда не торопимся. Не жги сцепление, – хмуро отчитал его Костя.

Мир вдруг обрел свои краски, и лучше бы он этого не делал. Заболела шея, сапоги стали тяжелыми и грязными, брюки и китель воняли тухлятиной. Навалились усталость и сонливость. Сколько он уже на ногах? Больше суток? Костя закрыл глаза и открыл их лишь после резкого торможения перед шлагбаумом, преграждающим путь на Станцию скорой реинкарнаторской помощи им. А. А. Скоробогатова Департамента реинкарнации города Москвы. Вахтер приветливо махнул, пропуская знакомую желтую машину, и через мгновение показался трехэтажный особняк с облупившейся фасадной штукатуркой.

Митя кипел от возмущения и умотал в гараж, даже не попрощавшись. Сегодня они приехали позже на полтора часа. Такие переработки не оплачивались, и многих бесили регулярные задержки и форс-мажоры, так что текучка среди вспомогательного персонала обеспечивала кадровиков постоянным занятием. Лишь реинкарнаторы работали на одном месте десятилетиями. Если первый год продержался, не бросил это дело, не ушел к частнику или, на худой конец, в больницу, значит, останешься тут на всю жизнь.

Сначала Костя полез в душ. Долго стоял под горячими струями, смывая не только грязь, но и налипшие, будто плевки, ненависть, страх, мольбы, проклятия – все, с чем возвращался с дежурства. Даже научившись не принимать чужие эмоции на свой счет, не допускать их до сердца, после смены он чувствовал себя опустошенным.

Мыслей не было, лишь привычные движения. Вылить шампунь на ладонь. Намылить волосы. Смыть. Выдавить гель. Намылить тело. Ладони скользили по плечам, груди, животу, ощущали маленький треугольный шрам, скользили дальше. Шрам казался несерьезным, однако стилет, что его оставил, чуть не забрал жизнь. Остальные отметины больше пугали, чем угрожали. Подумаешь, полоснули перочинным ножиком по плечу! Ну перенервничал тогда пациент, решил, что его убивать пришли. Еще рубец – это ткнули заточкой в ногу. Мелкие хулиганы, хотели кармограф отобрать, потом для них же пришлось медиков вызывать: не бросать же с переломами рук на улице. В общем, у Кости все нормально, Женьке вот не повезло гораздо больше.

Какое же наслаждение после суток в тяжелых сапогах и казенной форме постоять под горячим душем и влезть в тапочки, удобные хлопковые брюки и рубашку!

Комната оперативников оказалась пустой: отработавшая смена уже ушла домой, а новая разъехалась на дежурства. Костя щелкнул кнопкой чайника, чуть сыпанул пуэра из банки в большую красную чашку с драконом – Женькин подарок на тридцатый день рождения. Ох и чудовое получилось отмечание! Только этот балагур мог раскрутить хмурого трудоголика и интроверта на поход по барам и ночным клубам! Костя так и не вспомнил, как тогда оказался дома и откуда взялась в его постели Джун... Эх, Женька, Женька! Как же тебя не хватает!

С обжигающим глотком чая пришли знакомые горечь и сладость, запах чернослива и кожуры грецкого ореха. Нет, все же Костя не понимал тех, кто выбирал кофе. Пуэр бодрит не хуже, но насколько интереснее, разнообразнее его вкус! С каждым глотком сила разливалась по телу, сон уходил, шея переставала болеть и жизнь казалась вполне терпимой.

В комнату ввалился уставший и злой, как асур, Самдан: тоже задержался на дежурстве. Кивнул и уткнулся в свой отчет. Задавать вопросы о том, что случилось во время смены, у оперативников было не принято. Кто захочет – сам расскажет.

В отличие от большинства коллег Костя к отчетам относился спокойно, даже с приязнью. Подробно описывать дежурства изо дня в день, из года в год – это как писать сагу. И хотя даже копии отчетов никому показывать не разрешалось – «скорая» помощь, конечно, не разведка, но и у нее есть секреты, – Костя надеялся, что когда-нибудь расскажет о своей работе всю правду. Он не питал иллюзий насчет больших тиражей: честная книга о реинкарнаторах – это даже хуже, чем честная книга о войне. У военных хоть иногда встречается что-то героическое, а тут сплошная боль, кровь, слезы, грязь, ненависть и смерть. На войне есть шанс выжить. У тех, к кому приходят реинкарнаторы, такого шанса нет. Если появился запах, значит, человек умрет. Так или иначе. Что бы кто ни делал. Причины могут быть разные, финал один. Но все же мысль о том, чтобы на пенсии засесть за роман, грела.

Положив чемодан на стол, Костя вынул из него тонкие листы стали формата А4. Обычная сталь превращалась в носитель информации, на который можно записать карму человека. Почему именно она? Увы, в НИИ реинкарнации не знали ответа. Экспериментировали со всеми известными материалами, но ни один больше не подошел.

На каждом листе при записи кармограф выбивал символичный код, не похожий ни на один известный язык. Говорят, он послужил прообразом штрих-кода. Символы так и не расшифровали, но все же некоторые закономерности найти удалось. Первый блок, уникальный для каждого, как отпечатки пальцев, идентифицировал личность. Насколько проще жилось бы оперативникам, если бы его расшифровали! Никаких отчетов!

Увы, пока приходилось все записывать самим, вручную, что не всегда удавалось. Как узнать имя бродяги, который бросается на тебя с кулаками? Оперативники бурчали, что занимают бюрократией, мол, кому вообще нужны все эти имена, если в следующей жизни будут другие? Это не надо ни мертвым, ни живым, лишь отделу статистики.

Подробно описав в отчете нападение бродяги с объяснениями, почему пришлось применить силу, Костя зевнул. Бодрость после душа и пуэра прошла, вновь навалилась усталость, причем такая, что боязно моргать: закроешь на мгновение глаза – и уснешь. Пора домой.

Он попрощался с Самданом и спустился на первый этаж. В одной руке – чемоданчик, в другой – пластины. По ступеням лестницы цокали черные хромовые сапоги, с них осыпалась подсыхшая грязь, оставляя следы: так в сказках дети бросали рисовые зерна, чтобы потом найти дорогу назад. Тут же нахлынули воспоминания о драке, заболела шея. Давно уже на реинкарнаторов не нападали, в столице к ним обычно относятся уважительно, как и к врачам «скорой» медицинской помощи. И те и другие пытаются спасти жизнь, только разную. Вот Костя и расслабился.

Небольшое окно в двери с надписью «Хранилище» было закрыто, и Костя постучал. В ожидании ответа выглянул во двор. Отвыкшие от солнца за два месяца слякотной и дождливой осени глаза тут же заслезились. Внезапно погода решила побаловать москвичей, подарив им голубое небо и тепло. Костя даже пожалел, что весь сегодняшний день проспал, но после суточного дежурства сил ни на что иное не осталось.

Из хранилища никто так и не выглянул, и он постучал еще раз, погромче. Навалившись на деревянный подоконник под закрытым окном приемки, отколупнул потрескавшуюся и съевшуюся белую краску, покрывавшую дверь как кора сухого вяза. Кусочек краски отскочил сразу, будто совсем не держался. Ремонт в этом крыле не делали никогда. В Департаменте реинкарнации Москвы хронически нет денег.

Раздался щелчок, и в окне появилось знакомое лицо. Можно было догадаться, что сегодня ее смена: из-за возраста и лишнего веса она ходила медленно, все делала неторопливо, правда, тщательно. В отличие от напарницы всегда знала, где что лежит, какой номер кармо-

графа за каким реинкарнатором сегодня закреплен, кто не сдал отчет и сколько пластин поступило за смену.

– Здрасьте, Нинванна! – Костя плюхнул перед ней чемодан с эмблемой Министерства.

– Здрасьте, здрастьте, вы с Самданом себе по второй смене взяли, что ли? Последние остались! Где дружок-то твой?

– Отчет мучает...

– Ох, а кармограф-то где так измазюкал?

При солнечном свете стало заметно, что влажные салфетки помогли слабо. Разводы покрывали весь чемодан, грязь забила в тиснение в форме прерывистого круга.

– Да так получилось... Вы уж извините, не успел помыть.

– Ты сам-то цел? – нахмурилась приемщица, внимательно посмотрела на Костю и охнула, зажав рукой рот, поскольку шея реинкарнатора опухла и наливалась синим.

– Цел, Нинванна, не переживайте. До свадьбы заживет.

– Больничный возьми, слышишь? А то загонишь себя до смерти!

Костя кивнул. Никакой больничный он, конечно, не возьмет, но спорить – себе дороже.

Приемщица покачала головой и перевела взгляд на пластины, по инструкции это называлось «первичный осмотр». Соответствующий пункт гласил, что «каждая пластина должна быть целая, без повреждений, на ней должна визуальнo просматриваться запись». Это значит, что на стальном листе можно рассмотреть бороздки, как дорожки на граммофонной пластинке. Пластина без записи будет гладкой на ощупь.

Вопросов не возникло, Нина Ивановна шлепнула в толстой книге печать «сдано», Костя расписался и собрался уходить, но приемщица попросила подождать немного. Торопливо переваливаясь по-пингвиньи, она скрылась в недрах хранилища, но тут же возвратилась с кульком в руке.

– Нинванна! Ну что вы!

– Держи-держи, голодный небось! – сунула она ему самоса. – Жены нет, живешь бобылем, кто ж тебя покормит?

Костя улыбнулся одними уголками губ и поблагодарил. Это уже стало традиционной игрой: она регулярно приносила для него кулек, а он всегда отнекивался, но в итоге брал. Пирожки у нее были вкусные, с разными начинками: с тыквой, с картошкой, со шпинатом, даже с крапивой, смешанной с сыром!

Солнце, видимо, перепутало времена года и решило, что сейчас лето, так что и в расстегнутом пальто оказалось жарко. Костя неторопливо шел к трамваю, опустошая на ходу кулек. Запах съестного кружил голову, организм внезапно вспомнил, что его не кормили часов двенадцать, и требовал еды – любой и побольше.

Добраться до дома на метро быстрее и проще. От трамвайной остановки же придется еще минут двадцать топтать пешком, но именно этого сейчас и хотелось. Побить обычным бездельником, бесцельно брести по улицам, глазеть на витрины, слушать чириканье воробьев. Может, даже посидеть на лавочке, щурясь от ярких лучей. Мысль спуститься в подземку и спрятаться от внезапного подарка погоды казалась кошунственной.

Полупустой трамвай весело звенел на перекрестках, обгоняя молодую маму с коляской, гогочущую компанию школьников, проезжал мимо жилых высоток и одноэтажных чайных, мимо йога-клубов, оформленных в восточном стиле, и современных европейских магазинов. Витрины украшали гирлянды огней, на подоконниках квартир то и дело мелькали свечи, и Костя вспомнил, что сегодня пятое ноября, а значит, в полночь начнется Лхабаб дуйсэн – праздник тысячи огней.

От самоса с картошкой и созерцания города отвлек детский плач. Девочка лет шести с двумя белыми бантами, в ярко-зеленом распахнутом пальто и нарядном платьице наверняка

ехала с утренника, посвященного грядущему празднику. Мать ей что-то втолковывала, но это вызывало еще больший крик.

– Не хочу быть девчонко-о-ой, – редела та, размазывая слезы. – Я боевой офице-е-ер... Я в арми-ийу-у... хочу!

– Боевой офицер, а плачешь! В армии тоже плакал? – подключилась соседка по трамваю, поняв, что мать не справляется.

– Я никогда-а-а не пла-а-акал! А сейчас оно само! Не могу остановиться! Это потому, что я теперь девчо-о-онка-а!

– Ну-ну, не переживай. Привыкнешь. Я вот тоже в прошлой жизни женщиной была, хлеб выращивала. Ты любишь пирожные, печенье?

– Не-е-ет!

– Лиза, ну вот теперь тебе, офицеру, особое задание: научиться жить девочкой. Вот увидишь, это очень даже интересно! – Замученная мама придумала еще один аргумент. Похоже, все более разумные уже озвучивались, и не раз.

– Не хочу-у де-е-евочко-о-ой!

Соседка вздохнула, шепнула матери, но так громко, что даже Костя услышал:

– Давно она вспомнила?

– Два дня как. Ревет без перерыва. Не думала, что это случится в один момент и так рано. Не представляю, что теперь делать. Наверное, надо к психологу сходить.

– Отведи ее в дацан, пусть с ламой поговорит, – предложила свой вариант соседка, но тут обнаружила, что трамвай стоит на ее остановке, подхватила сумку и бросилась к открытым дверям.

Костя молчал, не вмешивался. Что он мог сказать, ведь он-то ничего не помнил. Но это не печалило. Возможно, Будда, карма, мироздание или просто случайные стечения обстоятельств вручили ему царский подарок, лишив памяти. Кто знает, не превратилась бы его жизнь в ад, вспомни он себя. Но если это был подарок, то его тут же свели на нет, всучив в нагрузку способность чутя смерть.

Тренькнув в последний раз, трамвай спрятался за поворотом, оставив Костю на остановке. Сон отступил, но не ушел, лишь притаился. Пустой кулек полетел в мусорное ведро, а ноги сами понесли домой длинной дорогой, через парк, где в десять утра встречались лишь пенсионеры. День хоть и предпраздничный, укороченный, но все же рабочий.

Костя любил ходить мимо дацанов из-за чудесных парков и садов, разбитых в обязательном порядке местными монахами. Никакая другая религия не была так тесно связана с растительным миром, с красотой природы, как буддизм. Что парки! Буддийские монахи разводили вокруг своих монастырей целые рощи! На это у них хватало и времени и желания. В свое время традиция создавать храмовый сад перекочевала из Индии в другие буддистские страны, а затем охватила и весь мир. Суровый русский климат, конечно, накладывал свои ограничения, но это лишь развивало садовое искусство, а не ущемляло его. Японцы создали «сад камней», а русские – хвойный сад.

Выложенная плитами дорожка петляла между небольших елочек причудливой формы, по краям живым забором раскинулся золотистый можжевельник. Иногда Костя наталкивался на целые композиции хвойных деревьев, но больше всего в этом парке он любил два высоченных кипариса, метров двадцать в высоту. Они росли рядом, как семейная пара, и смотрели свысока на прочие хвойные. Тут, в самом сердце парка, царили такое спокойствие и безмятежность, что легко забывался шум мегаполиса. Казалось, это не Москва, а чудесный сказочный лес.

Но вот показались гирлянды из разноцветных молитвенных флагов, натянутые меж высоких деревьев, а значит – близко дацан и пора сворачивать в другую сторону, на дорожку, которая ведет за территорию храма, к дому.

У подъезда соседка с первого этажа украшала домик духов. Молодая сямка хоть и была ровесницей, выглядела намного младше. Такой образ создавался из-за ее небольшого роста, в сравнении с Костей и вовсе крошечного, худенькой фигуры и испуганных раскосых глаз, а при виде реинкарнатора Константина Юрьевича она всегда пугалась и становилась похожей на мышонка. Вот и сейчас: обернувшись на звук шагов, сямка отшатнулась и что-то пробормотала, наверное, охранную мантру.

– Фохао, – поприветствовал ее Костя, стараясь лицом не выдать презрения. Он с уважением относился к верующим, но не ко всем.

Костя изучал буддизм и по большей части принимал его как философскую концепцию, поддерживал идею отсутствия единого Бога-Творца, Спасителя и непознаваемость Высшего. Но категорически не верил в гору Сумеру – центр Вселенной, пантеон богов и демонов, что постоянно вторгаются в мир человека для помощи или помехи, и подобную сверхъестественную чушь, как он это называл. Но если классическую религию еще можно было принять, то «народный эзотерический буддизм» раздражал. Подобное язычество, выросшее в разных культурах и позже не отброшенное, а вплетенное в буддизм, казалось Косте невероятно глупым.

Вот эта сямка... кажется, ее зовут Нит. Она с мужем приехала в Москву, в этот дом, из Королевства Раттанакосин года четыре назад и тогда же построила домик духов у подъезда: чуть больше метра в высоту, простой, в виде деревянной беседки в восточном стиле. Она сама красила его в белый цвет, а замысловатые узоры затем покрывала золотистой краской. Сямцы считают, что в таких домиках живут духи – защитники жилища, и их нужно ублажать: кормить сладостями, окуривать благовониями, на праздники – украшать цветами, фонариками. Если этого не делать – духи прогневаются и будут мстить. Подобная ерунда весьма распространена у приверженцев тхеравады и не имеет никакого отношения к буддизму. Вместо того чтобы самому заняться своими делами, развивать разум и тело, как учит религия, множество псевдобуддистов занимаются вот такой ерундой: подкармливают духов дома, молятся рекам и горам, вешают подкову над дверью «на счастье», сверяются с гороскопом и плюют через левое плечо, если черный кот переходит им дорогу.

– Фохао, – сложила ладони перед грудью Нит и поклонилась, но на всякий случай сделала еще один шаг назад. Зачастую именно подобные псевдобуддисты считали реинкарнаторов спустившейся на Землю Смертью, не людьми в черной форме на службе Министерства реинкарнации, а демонами, асурами, по собственной воле отбирающими жизнь.

Костя с удовольствием бы не общался с людьми и вообще не выходил из дома. Все, что надо, у него в квартире есть. Но кто тогда будет спасать жизнь умирающих? Или следует спасать только везунчиков, которые отправляются в посмертие из дома, в окружении родственников, способных вызвать службу реинкарнации? Да, в этом случае чующие смерть не нужны, слепок кармы сделает любой болван, только научи его правильно вставлять пластину в кармограф и нажимать кнопку. Но как быть с теми, кто умирает ночью в глухой подворотне? Или теми, кто вскоре погибнет под колесами автомобиля или в переполненном вагоне метро от тромба, закупорившего артерию? Им не способен помочь никто, кроме Кости и таких, как он. Никто, кроме них, не знает о смерти за двадцать минут до того, как она придет.

Введение обязательной записи кармы для всех граждан обсуждали в России неоднократно, последний раз – на Костиной памяти, но все упиралось в деньги. Кармографы в крупных больницах работали круглосуточно, без перерывов, выходных и праздников и еле успевали обслужить лишь тяжелобольных и тех, кому предстояла операция. Этим пациентам слепок гарантировался законом. В мелких больницах же приборов просто нет, так что будь ты хоть трижды тяжелобольной, вот тебе направление на слепок и добирайся до федерального медцентра как хочешь.

У «скорой» даже в столице кармографов не хватало, впрочем, как и реинкарнаторов. Вот и приходилось работать на полторы-две ставки, а в регионах и того больше. Увы, но НИИ

реинкарнации могло собрать сколько угодно приборов, если только для этого найти сердечники. Кармограф без сердечника – все равно что автомобиль без двигателя. Как ни улучшай аэродинамику и подвеску, но без мотора это просто груда железа.

Костя вошел в квартиру, стянул грязные сапоги, швырнул пальто на пуфик в коридоре и, расстегивая на ходу рубашку, направился в комнату. Кажется, он заснул еще до того, как рухнул на диван.

Полночь он встретил у сковороды, где шкворчал кусок мяса, щедро посыпанный специями. Аромат стоял такой, что живот урчал в предвкушении, напомним, что за прошлые сутки в нем ничего не было, кроме самоса и чашки пуэра. С зарплатой реинкарнатора стейки можно было покупать только по праздникам, но сегодня как раз он. В окнах дома напротив горели огни. Люди выставляли на подоконники свечи, лампы, украшали квартиры электрическими лампочками в честь Лхабаб дуйсэна. Для верующих это особый день, сошествие Будды с небес Тушита, но Косте какое дело до этого? У него совсем другой повод для праздника. Он налил себе рюмку водки и выпил за то, что остался жив.

Шея, если не дотрагиваться, не болела, но выглядела ужасно. Достать, что ли, шарф, чтобы народ не пугать? Впрочем, на дежурстве ему будет плевать, а просто так он не планировал выходить из дома.

Пожинав, Костя плюхнулся на диван и нажал кнопку на пульте. Если бы кто из коллег сейчас увидел, что выбрал рациональный и серьезный Константин Юрьевич, то очень бы удивился. Экранизация комиксов? Шутите? Нет, Колесову такое не может нравиться! Но это были не расхожие комиксы, а новый фильм про Орден реинкарнаторов. Костя еще в детстве запоем прочел все, какие нашел, книги об этой легендарной организации, правда, тайком, пряча их среди учебников. Родители не одобряли его мечту стать членом Ордена.

В Орден, как и в госбезопасность, нельзя прислать резюме и попроситься на работу. Можно только ждать и надеяться, что тобой заинтересуются и предложат пройти отбор. В первую очередь обращали внимание на беспамятных на госслужбе: оперативников «скорой» помощи, штатных реинкарнаторов в больницах и так далее. На тех, кто принял свою ношу, связал с ней жизнь и готов и дальше ее нести, несмотря ни на что.

На экране красавец мужчина показывал чудеса тхеквондо, один сражаясь с армией врагов, стремящихся уничтожить Купол. Дурацкий фильм. Сценаристы то ли не удосужились прочитать ни одной книжки об Ордене, то ли решили пожертвовать достоверностью ради зрелищности. Любой другой столь же глупый боевик Костя давно уже выключил бы, но не этот.

Впрочем, фильм он так и не досмотрел: уснул. На экране магистр Ордена лично вручал главному герою медаль за героизм, а в кабриолете его ждала длинноногая стройная блондинка. Косте же тем временем снилось, будто он никак не может найти нужный подъезд и с ужасом осознает, что уже не успевает сделать слепок кармы.

Глава 2

Звонок разбудил в девять утра. Определитель показал рабочий номер, и Костя напрягся. С работы звонили крайне редко, лишь когда возникали проблемы. Последний раз это было год назад, тогда сообщили, что Женьку убили.

– Алло, алло, Константин Юрьевич, вы меня слышите?! Это Полина из регистратуры! – прокричала она в трубку. Костя наморщил лоб, вспоминая, кто это: девчонка, полгода как пришла работать после какого-то училища или колледжа.

– Слышу. Что случилось?

– Ох, приезжайте быстрее. Сергеич рвет и мечет! Вас вызывает. Срочно!

– Еду.

Со стороны казалось, что Костя, как обычно, спокоен, только чуть больше собран и хмур. Три минуты – одеться, пять минут – дойти до метро. Пока поезд стучал колесами, в голове проносились мысли о том, что могло произойти. Что-то не так с отчетом? Ограбление? Кого-то убили? Впрочем, гадать бесполезно.

Коридоры Станции Скорой реинкарнаторской помощи им. А. А. Скоробогатова были пусты: большинство вспомогательного персонала по причине праздника не работали, оперативники в это время на дежурствах. В этой звенящей тишине шаркающие шаги раздались особенно громко. Конечно, это шаги приемщицы. Костя направился на звук.

– Ох, чего делается, чего делается... Сергеич белый как полотно. Говорят, звонил в Орден... – запричитала Нина Ивановна, увидев его. Обычно ее сплетни утомляли, то сейчас Костя их жадно слушал. После слов об Ордене внутри что-то тренькнуло, будто заглушка слетела с пружины.

– Нинванна, да расскажите, что произошло!

– Да я толком не пойму. Дождалась Самдана, сдала все ваши пластины, а к вечеру позвонили из технички и запросили твой кармограф. Говорят, надо проверить, барахлит, что ли. Ну, я выдала, конечно, сама уж нервничаю, чего бы ему барахлить? Все твои листы в норме же! Сегодня с утра не стерпела, сама звоню, спрашиваю: ну что? Ответили, что прибор в порядке, но надо еще кое-что проверить. Больше ничего не объяснили, но тут все забежали, засуетились. Потом уж мне шепнули, что Сергеич в Орден звонил.

– Так. Сергеич сейчас у себя?

– Да уж ждет тебя!

Костя кивнул приемщице и взбежал по лестнице на второй этаж, перемахивая длинными ногами через ступеньки.

Нина Ивановна прошептала в удаляющуюся спину: «Помоги тебе Будда».

Перед дверями, обитыми бордовым дерматином, Костя остановился, чтобы успокоить дыхание. Табличка гласила, что это кабинет заведующего Станцией Скорой реинкарнаторской помощи Зайцева Кирилла Сергеевича. Оперативники не часто сюда заходили, Сергеич обычно сам к ним спускался, и это означало, что надо взять еще одну смену. Вдыхали, но брали. Понимали, что надо. Да и за переработки платили по двойному тарифу, а при их зарплатах это хорошие деньги. Заведующий был неплохой мужик, его поддерживали и даже сочувствовали: не всякий сможет с таким скудным бюджетом поддерживать нормальную бесперебойную работу станции.

Костя вспомнил, как в двенадцать лет стоял перед похожей дверью в кабинет директора и боялся ее открыть. Думал, что его исключат из школы. Чего сейчас бояться? Увольнения? Смешно. Костя даже чуть улыбнулся этой мысли и уже спокойно потянул дверь на себя.

Секретарша, увидев его, сразу подняла телефонную трубку:

– Кирилл Сергеевич, Колесов подошел.

Лишь потом поздоровалась кивком и позвала:

– Заходи, он ждет.

Сергеич оказался не один. Гостья выглядела большим боссом какой-то крупной компании, с дресс-кодом, четкой иерархией и высокими зарплатами, и совершенно непонятно, что она делала здесь и зачем ей понадобился реинкарнатор. Заведующий выглядел обеспокоенным. Старше Кости всего лет на десять, сейчас он казался усталым стариком. Китель с шевроном «скорой» висел на спинке стула, а белая рубашка, обычно идеально выглаженная, сейчас напоминала рубашки реинкарнаторов после полутора суток дежурства.

– Фохао, – поздоровался он с Костей и перевел взгляд на гостью. – Знакомьтесь: Константин Юрьевич Колесов, один из наших лучших специалистов, Эльвира Рашидовна Мирзоева – командор Ордена реинкарнаторов.

Симпатичная татарка протянула руку для приветствия, при этом рукав пиджака чуть задрался, обнажив запястье, украшенное символом Ордена: оранжевым узелковым браслетом, сплетенным особым образом. Тайна плетения держалась все века в секрете, и даже те, кому удавалось выкрасть сам браслет, так и не смогли скопировать его.

Ладонь оказалась узкой и холодной, а Костю бросило в жар. Неужели его пригласят в Орден?

– Константин Юрьевич делал тот самый слепок, – продолжил заведующий.

Костя вопросительно посмотрел на него, но тот перевел взгляд на Мирзоеву, ожидая ее разрешения рассказать. Она кивнула, и лишь после этого Сергеич пояснил:

– На одной из твоих пластин нет кармы.

– Не может такого быть! Я лично проверял! Символы, бороздки – все на месте!

– Все верно. Запись есть, только пустая, как если записать тишину на грампластинку.

Костя открыл рот, словно ребенок, впервые увидевший салют. Это что же, он снял карму у Просветленного? Да быть того не может! Если Просветленные и существуют, в чем он сомневался, то они не вызывают районного реинкарнатора. Во-первых, в монастырях свои реинкарнаторы и других туда и на порог не пускают, во-вторых, Просветленному не нужен слепок кармы, у него ее просто нет.

В памяти пронеслись пациенты последнего дежурства, все, к кому он приезжал. Костя вспомнил бирюзовые глаза и странные слова.

– Это пластина Леонхарда Петмансона?

Заведующий кивнул, а Мирзоева оживилась:

– Вы что-то можете про него рассказать? Что случилось во время записи?

– Да ничего особенного. За исключением слов, что у него была последняя жизнь. Я тогда решил, что старик просто уже не в себе.

– Он так и сказал – «последняя»? Это все?

– Я пожелал удачи в следующей жизни, он ответил, что она ему не понадобится, потому что нынешняя жизнь – последняя для него.

– Мы с таким никогда не сталкивались, – снова заговорил Сергеич. Он явно устал и хотел спать. Небось глаз не сомкнул со вчерашней смены, когда техники обнаружили проблему. – Это не сбой прибора, это именно нулевая карма. Так, по идее, должна выглядеть запись у Просветленного. Ну в теории. Никто никогда еще не пытался снять карму с Будды.

– Да, Будда к нам не заглядывал последние две тысячи четыреста пятьдесят девять лет¹, – попытался съязвить Костя, но никто не отреагировал.

---

¹ 2459 год по буддистскому летоисчислению соответствует 1916 году по григорианскому календарю. Начало летоисчисления буддийского календаря ведется с года ухода Будды Гаутамы в нирвану и опережает григорианское летоисчисление на 543 года.

– В общем, мы передаем это дело под юрисдикцию Ордена, – вздохнул заведующий то ли от облегчения, что проблемой займутся другие, то ли от огорчения, что вмешиваются в дела его конторы.

Изначально Орден создавался для организации процесса записи кармы и передачи пластин в Купола, но с годами это бремя перешло на правительства стран, чему Орден активно способствовал. Создание Министерств реинкарнации, государственной «скорой» помощи и прочих подобных ведомств по всему миру – это тоже их дело. Так что у них остались лишь функции контроля. Контроля над тем, чтобы все шло правильно.

– Эльвира Рашидовна хотела бы, чтобы расследованием этого дела занялся ты, – закончил заведующий.

– Я? – обалдел Костя. – Но я ведь даже не состою в Ордене!

– Это поправимо. Предлагаю вам вступить в него, – чуть улыбнулась «бизнес-леди».

О боги с небес Тушита! Ему действительно это предлагают? Он не ослышался? Костя от неожиданности превратился в каменное изваяние: не мог ни пошевелиться, ни сказать что-либо, даже мысли будто оцепенели. Так же он реагировал, когда узнал, что Джун ушла. Так реагировал, когда его вышвырнули из Института реинкарнации. Но сейчас ведь радостная весть, тогда откуда эта паника? Легендарная организация, чью власть признавали все государства и религиозные течения, организация, о которой не знали почти ничего конкретного, ибо ее тайны хранились не менее рьяно, чем тайны спецслужб. Организация, куда Костя с детства мечтал попасть. Он готов был пешком дойти до Тибета, чтобы вступить в нее, а сейчас...

– Я никогда не занимался расследованиями, особенно подобных дел, – озвучил он сомнения, хотя на самом деле переживал не об этом.

– Мы поможем. У нас целая структура, и вся она будет в вашем распоряжении. Аналитики, безопасники, другие инспекторы – можете обращаться за помощью, к кому потребуется. И ко мне, конечно. Я буду вашим куратором, – успокоила Мирзоева.

Внезапная мысль пронзила Костю:

– Мне придется уйти из «скорой» помощи? – Он растерянно посмотрел на Сергеича. У того и так с людьми проблема, а если еще и он уйдет...

Заведующий хмыкнул:

– Кто ж тебя отпустит? Просто не будешь по полторы ставки брать. Освободим тебя от дежурств, когда скажешь.

Костя пытался осознать столь щедрое предложение, а Сергеич его молчание воспринял по-своему:

– Насчет денег – не переживай. Насколько я знаю, Орден своих не обижает, у них там финансирование получше, чем у нашего Министерства, я прав? – обернулся он к Мирзоевой.

Та кивнула.

– Я согласен, – спохватился Костя, поняв, что от него до сих пор ждут ответа.

– Хорошо, – снова кивнула Эльвира Рашидовна. – Тогда поедem в офис, там все оформим. Паспорт с собой?

Костя кивнул, торопливо вслед за своим новым куратором пожал руку Сергеичу и вышел из кабинета.

Солнце решило, видимо, развлечься на Лхабаб дуйсэне и второй день не пряталось от москвичей за серыми тучами. Наоборот, играло с ними, превращая в узкоглазых китайцев, отправляло веселых зайчиков малышне, высушило грязь и лужи и обмануло воробьев, поверивших, что пришла весна.

– Прошу, – махнула рукой Эльвира Рашидовна в сторону обычного темно-синего седана. Костя почувствовал укол разочарования родом из детства: тогда казалось, что члены Ордена – это супергерои из любимых комиксов про Анзана. И они, конечно, должны ездить на крутых черных машинах, носить мантию с застежкой в форме уробороса, прикрывать лицо капюшо-

ном и взглядом превращать врагов в камень. Но, очевидно, лучшая маскировка – это не тонированные стекла и капюшон, а офисный костюм и вот такой хороший, но не элитный автомобиль. Тогда достаточно снять с руки оранжевый браслет, чтобы раствориться в толпе.

Проснувшегося в Косте ребенка сейчас больше всего интересовало, где находится офис Ордена. И хотя адрес и телефон знали не только посвященные, но и главврачи больниц, заведующие станциями «скорой» помощи и многие другие, в интернет они его не сливали.

Эльвира Рашидовна проехала станцию метро «Таганская» и затормозила, не доезжая до «Лхасской». Симпатичный трехэтажный особняк красного кирпича выглядел как отреставрированное здание прошлого века: тогда как раз вошел в моду тибетско-китайский стиль с загнутыми вверх законцовками крыш и украшениями в виде ступ. Входную дверь окаймляли стилизованные тигры и драконы, обрамленные причудливыми узорами. Подобных домов много осталось внутри Садового кольца, хотя далеко не все в таком хорошем состоянии.

Внутри Костя ожидал увидеть фигуры божественных существ, скульптуры Будды и прочие украшения, характерные для этого стиля, однако перед ним предстал классический европейский офис. Чем-то он напомнил станцию «скорой» помощи. Правда, для полного соответствия не хватало ободранной краски на косяках дверей, дешевого дерматина, унылых зеленых стен и ощущения упадка. Здание скорее походило на офис процветающей торговой компании: светлые стены с фотографиями и картинами, большие окна, цветы на подоконниках, на полу – ковровые дорожки.

– Он со мной, – кивнула куратор охраннику на входе, и тот протянул Косте карточку с надписью «Гостевой пропуск». Первой сквозь рамку прошла Мирзоева, лампочка над головой мигнула оранжевым, а вот на Костю она отреагировала зеленым цветом. О том, что пропуск служит не только для прохода в офис московского горкома, но является опознавательным знаком члена Ордена, Мирзоева рассказала по дороге в кабинет. Офисы по всему миру оборудованы специальными рамками, встроенный сканер считывает информацию, и если карты нет, то датчик не срабатывает, лампочка не загорается и очевидно, что посетитель – не член Ордена. Простая идентификация личности.

О принципе работы сканера Костя спрашивать не стал, постеснялся, но для себя решил, что вряд ли карта магнитная: Эльвира Рашидовна упомянула, что запись на ней невозможно стереть или повредить – если, конечно, сам носитель цел. А еще она обмолвилась, что более сложные сканеры считывают не только уровень доступа, но и личную информацию: имя, должность, возраст и Будда знает что еще.

Встречные в коридоре здоровались с Мирзоевой, косились на новенького, но вопросов не задавали. Все выглядели старше него, но это ожидаемо: младше тридцати пяти в Орден просто не принимают. По одной из версий, это правило связано с возрастом, в котором Сиддхартха Гаутама стал Буддой, хотя прагматики больше склонялись к версии, что к тридцати пяти годам человек окончательно взрослеет и успокаивается. Кому нужны взбалмошные юнцы, готовые поставить под удар организацию из-за гормональной бури или желания стать героем? Так или иначе, но звали в Орден (если звали) только после тридцати пяти. Впрочем, мало дожидаться предложения, нужно еще доказать свою пользу организации. Звали-то многих, оставались единицы.

– Через мое ведомство все проходили, – одними уголками губ улыбнулась куратор и кивнула на табличку на двери кабинета. Помимо имени и фамилии там была написана и должность: командор Управления по связям с внешними организациями.

Костя задумался: сколько Мирзоевой лет? Выглядит на пятьдесят, но у татарок сложно определить возраст по внешности.

Эльвира Рашидовна жестом предложила войти и располагаться на мягком кожаном диване, сама же опустилась в компьютерное кресло, будто села на табуретку.

Кабинет выглядел уютным и стильным: никаких ярких цветов, в основном черные, серые и белые, как Костя и любил. На стенах висели уникальные фотографии: Купола с разных континентов, реинкарнаторы за работой, причем кадры явно архивные, прошлого и даже позапрошлого веков. Каждый казался произведением искусства, его хотелось рассматривать, изучать детали, наслаждаться работой мастера, показавшего красоту привычного мира. Но взгляд пришлось отвести, сейчас не до фотографий.

Эльвира Рашидовна в сером костюме казалась частью этого кабинета, и Костя решил, что это правильно. Орден – это не работа, куда ходишь с девяти до шести пять дней в неделю, это жизнь, в которую вырастаешь, пускаешь корни и не можешь уже их вытащить. Семья, друзья, родные, хобби и все прочее уходило на второе-третье место. Сколько раз люди умирали за дело Ордена! Удивляло большое число женщин: за годы работы на «скорой» он привык, что реинкарнаторы – это крепкое мужское братство, а женщины... они встречались редко и казались совершенно непонятными. Костя не ожидал от них ничего хорошего и избегал их общества.

Однако сейчас именно красивая женщина предлагала ему стать инспектором Ордена. Ему! Инспектором! Инспекторы были «голубой кровью», и лишь в самых смелых детских мечтах Колесов рассчитывал на эту должность. Никто не знал, по каким критериям новичков отбирают для того или иного управления, но большинство сходилось во мнении, что роль играют психоэмоциональные особенности кандидатов. С его нелюбовью к общению он рассчитывал на место в архиве.

О процедуре приема в Орден, о которой рассказывала куратор, Костя знал давно. Теперь на три месяца у него испытательный срок, он считается кандидатом со всеми правами и обязанностями полноправного члена Ордена. Командор загрузит его работой, а затем оценит не только качество и скорость ее выполнения, но и эмоциональное состояние, взаимодействие с коллегами и асур знает что еще. Эдакая игра в инспектора с полным погружением. Во время этого испытательного срока ему придется работать со всеми управлениями Ордена, и соответствующие командоры также будут его оценивать. Через три месяца за него должны поручиться минимум два члена Совета московского горкома Ордена. Если нет, то все, игра окончена. Большинство кандидатов вылетают именно на этом этапе, и второй шанс им уже никто не дает. Если же поручители найдутся, то испытательный срок продлится еще девять месяцев. За это время надо заручиться поддержкой двух третей членов Совета, и только в этом случае он станет полноправным членом Ордена.

– Все так сложно, потому что уйти из Ордена можно лишь в течение этого года, после – невозможно, – пояснила куратор. – Именно поэтому так долго длится период взаимной притирки, узнавания, принятия решения. И мы, и вы должны быть абсолютно уверены, что устраиваем друг друга. Есть какие-то вопросы?

Один вопрос у Кости все же нашелся:

– Как мне узнать, кто входит в Совет? Ну чтобы заручиться его поддержкой.

– Никак, – улыбнулась Мирзоева, и в это мгновение из холодной бизнес-леди превратилась в живого человека. – Не надо никого уговаривать выступить поручителем. Вообще на три месяца забудьте об этом. Просто делайте свою работу так, как можете, все остальное – наша забота. Не беспокойтесь, члены Совета найдут способ оценить вас.

Костя кивнул. Разумно. Орден создает эдакое стекло с односторонней прозрачностью: кандидата видно отлично, сам же Орден скрыт в тени – это решает сразу несколько задач. Причем невозможность выслужиться перед высокими чинами – не главное. Скорее дело в безопасности организации, нежелании раскрывать своих людей и тайны перед теми, кого тут не будет после испытательного срока.

– Если возражений нет, то заполните заявление с просьбой вступить в Орден. – Эльвира Рашидовна протянула ручку и пододвинула бланк. Костя пробежал его глазами: «...прошу рас-

смотреть мою кандидатуру... выражаю желание вступить...» Оставалось лишь вписать свое имя, номер паспорта, поставить дату и роспись.

– И еще подпишите соглашение о неразглашении. Вы подтверждаете, что ничего из относящегося к секретной информации никому не расскажете. Думаю, вы понимаете: нам не нужна открытость.

Эльвира Рашидовна пододвинула еще одну бумажку. Костю интересовали пункты об ответственности. Штраф за нарушение соглашения составлял его годовую зарплату.

– А что относится к секретной информации?

– Об этом подробно расскажут ваш командор и юрист. Кстати, в ближайшее время нужно будет съездить на двухдневные начальные курсы для инспекторов. Недалеко, на нашу базу в Подмосковье. Точную дату я скажу позже, пока сама не знаю.

Костя черкнул подпись и вернул документ.

– Это ваш пропуск на вход. Носите его всегда с собой, – Эльвира Рашидовна протянула белую карту безо всяких надписей, похожую на гостевой пропуск. – Завтра я выдам вам безлимитную банковскую карту. Зарплаты как таковой у нас нет, мы не коммерческая и не государственная организация, но это не значит, что члены Ордена должны голодать.

Костя мысленно присвистнул. Ничего себе! Безлимитная карта! Похоже, его восторг отразился на лице, так что Мирзоева предупредила:

– Чересчур не радуйтесь. В конце месяца придется отчитываться по всем расходам и за нецелевое использование прилетят такие штрафы, что сто раз пожалеете! Ладно, на самом деле я вас пугаю и все не так страшно, – одними уголками губ улыбнулась она. – Просто тратьте в разумных пределах. На еду – без проблем, на одежду тоже. А вот покупать машину, отдых на Хайнане или коллекционное вино не стоит. Потом не расплатитесь.

Костя кивнул, вновь мысленно соглашаясь с действиями Ордена, который обеспечивал своих людей всем необходимым для нормальной жизни, чтобы они не отвлекались на другую работу ради денег. Роскоши не будет, но о базовых ежедневных потребностях голова не болит.

– Пойдемте, устрою небольшую экскурсию по офису. Покажу, где какое управление находится, расскажу, кто чем занимается.

Некоторое представление об общей структуре Ордена, о его лидерах имели все. Во главе Ордена стоял Совет из девяти магистров территориальных комитетов. Те хоть и не были публичными персонами, но нет-нет да и мелькали на телеэкране. В последнее время все чаще в связи с законопроектом об отмене обязательной реинкарнации. Магистры выступали категорически против, уверяя, что люди не представляют, чего лишают себя лично и человечество в целом. И в этом Костя их всецело поддерживал: кто, как не он, знал, каково жить без памяти!

Если бы Далай-лама выступил также против – законопроект бы сняли с голосования. Пусть не Далай-лама, но глава хотя бы одного из основных направлений буддизма. Увы, но религиозные деятели от комментариев отказывались, как и российская буддистская община. Ну спасибо, хоть не поддерживали сомнительный проект...

О структуре региональных комитетов, из которых и состояли территориальные, уже мало кто знал. Известно, что их возглавляли приоры, и все значимые решения принимались членами Совета соответствующего уровня.

По дороге на второй этаж Эльвира Рашидовна рассказывала о том, что Орден учредил несколько институтов по изучению реинкарнации и записи кармы по всему миру, в частности, московский НИИ реинкарнации.

Эльвира Мирзоева возглавляла Управление по связям с внешними организациями, то есть с госорганами, станциями «скорой» помощи, религиозными и другими подобными организациями. Так что звонок Сергеича мог прийти только к ней. Кроме того, ее управление занималось подбором и обучением кандидатов на вступление в Орден.

Половину третьего этажа занимал аналитический центр. Официально он назывался Управлением службы информации, но все использовали гораздо более простое и понятное название – архив. Мирзоева рассказала, что у них есть доступ к централизованной картотеке всех записанных пластин, а когда Костя узнал, что картотека включает в себя не только российские пластины, но и все мировые, то ахнул. Такой базы нет ни у одного Министерства реинкарнации ни в одной стране!

Орден вообще не ограничивал себя странами. Он вырос из буддизма и считался вне политики, хотя при этом выступал серьезным лоббистом своих интересов во многих правительствах. Теркомы занимались территориями, которые далеко не всегда совпадали с границами государств, наоборот, часто сразу несколько стран находились в ведомстве одного магистра. В этом проявлялась религиозная сторона Ордена. Тхеравады же придерживаются не только на территории Испании и Португалии, а махаяны – не только во Франции и Германии. Множество последователей этих и других буддийских школ рассредоточено по всему миру, и дацаны строят без оглядки на государственные границы.

Впрочем, Орден хоть и вырос из буддизма, развивался в другом направлении. Формально это до сих пор религиозная организация, однако духовными или философскими вопросами она не занимается, ее волнуют сугубо практические вещи: контроль и безопасность записи кармы и загрузки пластин в Купола. И поэтому вот уже почти пятьсот лет она остается непререкаемым авторитетом для всех сангх и государств, хотя юридически не имеет никакой власти.

Управление расследований оказалось последним, куда его привела куратор. Мирзоева потянула ручку двери, и Костино сердце сделало несколько кульбитов. Ладони внезапно стали влажными, чего не случалось уже лет десять. Костя украдкой вытер их о штаны.

Он перешагнул порог и наступил на хвост уроборосу. Цветной мозаикой на полу был выложен полуметровый змей, кусающий себя за хвост, – символ Ордена реинкарнаторов. Чешуйчатое тело извивалось, образуя четыре лепестка, переливающихся от ярко-зеленого до черного. На эту красоту боязно было наступать, хотелось стоять и рассматривать, но взгляд жадно заметался по сторонам, пытаясь за несколько мгновений охватить всю картину. Заглянуть в святая святых, в Управление расследований Ордена, это все равно что побывать на Эвересте: мечта, осуществимая лишь избранными.

Справа от входа в просторном зале стояло больше десятка столов темного дерева, на каждом – компьютеры фирмы «Зингер». Они угадывались даже не по овальному логотипу со стилизованной буквой S, а по деревянному корпусу с вензелями, опирающемуся на четырех львов. Новомодные компьютеры навеяли тоскливые воспоминания о месячной зарплате реинкарнатора. Костя ожидал увидеть здесь настоящих инспекторов, но наткнулся на тишину и черноту мониторов. Праздник же.

В эркере у окна располагалась то ли зона отдыха, то ли такая специфическая переговорная: фикус в кадке, шесть плетеных кресел и длинный добротный стол, который выдержал бы даже бурные танцы всех инспекторов разом. Несмотря на массивность, стол казался изящным, легким, видимо, из-за фигурных ножек и резьбы понизу. Этим он походил на коня породы шайр: мохноногого британского тяжеловоза, одного из самых мощных и высоких в мире, способного в одиночку тащить самолет, но при этом элегантно, как английский аристократ.

А вот аристократического порядка тут не наблюдалось. Чашки вперемежку с нэчке и сувенирными фигурками, ручками, книгами и даже чьими-то перчатками грозили вытеснить со стола настольную лампу с фарфоровым абажуром.

Костя посмотрел налево и уперся взглядом в стеклянный кабинет, похожий на большой аквариум. Боковые прозрачные стены стыдливо прикрылись опущенными изнутри жалюзи, а сквозь переднюю просматривался еще один стол, король столов в этом зале. В отличие от остальных – за ним кто-то сидел: очевидно, командор Управления расследований. Тот увидел гостей, приветливо махнул и вышел навстречу.

Эльвира Рашидовна улыбнулась ему так, как улыбается женщина, симпатизирующая мужчине. Костя глянул на своего командора ее глазами. Худой смуглый бурят, чуть за пятьдесят, но определенно очень стильный. Бородка в стиле бретта добавляла ему брутальности. Черный пиджак а-ля китель расстегнут, рукава светло-серой рубашки подвернуты вместе с рукавами пиджака, на левом запястье – оранжевый браслет члена Ордена, на правом – крупные часы на кожаном ремешке.

Командор оказался модником: популярные в США джинсы только недавно стремительно ворвались в моду других стран и стоили недешево. Конечно, эта мода пришла из Синьту, граничащей с США на севере. Китайские колонисты облюбовали эти прочные штаны американских ковбоев и продолжали носить даже в метрополии. Азиатские дизайнеры быстро подхватили новинку, несколько известных домов моды выпустило свои коллекции джинсов, и началось безумие. В Россию оно дошло только в этом году и приняло самые странные формы. По крайней мере, Костю весьма удивляли джинсы в сочетании с фраком или поддетые под платье.

– Вот, привела тебе нового инспектора, – улыбнулась Мирзоева и представила обоих друг другу: – Амгалан Тумэнович Доржиев. Константин Юрьевич Колесов.

– Отлично! Людей катастрофически не хватает, – с легким акцентом произнес Амгалан и протянул руку. От него исходило спокойствие и приветливость, что очень располагало. Доржиев... Доржиев... фамилия казалась знакомой, вот только Костя не помнил, откуда он ее знает.

– Ну что ж, на этом моя экскурсия окончена. Амгалан Тумэнович – профи, он вас введет в курс дела и будет помогать с расследованием. Если что – мой телефон у вас есть. – Эльвира Рашидовна мельком кивнула Косте и посмотрела на Амгалана так, словно последняя фраза на самом деле предназначалась ему.

– Всегда рад встрече, – расплылся в улыбке бурят, а его узкие глаза и вовсе превратились в две щелочки. – Заходи почаще!

Мирзоева улыбнулась.

Косте казалось, будто прошла как минимум неделя, хотя на самом деле еще не наступил вечер. За этот день его вызвали в «скорую», рассказали о странностях с записью кармы, предложили вступить в Орден, поручили расследование, показали офис горкома, и вот теперь он стоит перед своим командором в ожидании того, что случится дальше. Впору взмолиться о том, чтобы хоть полчаса ничего не происходило!

Амгалан Тумэнович опустил взгляд и увидел Костины сапоги. Хромовые сапоги реинкарнатора.

– Я одно время тоже пахал на московской станции «скорой» помощи. Только вы на «Сухаревской», а я на «Юго-Западной».

– Долго работали?

– Несколько лет, когда в Москву переехал.

– И как?

– Нравилось. Только раздражали тяжелые сапоги. Тогда они были кирзовыми, – улыбнулся Амгалан Тумэнович и пригласил в свой кабинет.

– Чаю? – вытащил он из буфета две белоснежные фарфоровые чашки.

Костя от удивления забыл все слова, лишь кивнул и заворуженно смотрел, как в стеклянном чайнике распускаются скрученные маленькие шарики, словно просыпаются бутоны цветов. По кабинету поплыл чуть уловимый цветочно-фруктовый аромат. Костя мгновенно перебрал все возможные сорта чаев и решил, что это Бай лун чжу – Белая жемчужина дракона. Очень нежный белый чай, для его изготовления берут нераскрывшиеся почки и два самых верхних листочка. С названием связана китайская легенда. Якобы в одной из деревушек провинции Хэнань поселился добрый дракон, жил он с людьми в мире и согласии. И случился как-то засушливый год, когда чайные кусты погибали от жары. Тогда дракон взмыл в небо и

загородил солнце своими крыльями. Урожай был не просто спасен – вкус полученного напитка стал настолько изысканным, что им угостили императора. За каждую выпитую чашечку тот дарил крестьянам по жемчужине.

Меньше всего Костя ожидал встретить в Ордене ценителя чая!

Командор плеснул чаю и пододвинул чашу с шоколадными конфетами. Колесов вообще не очень любил сладкое, но сейчас съел аж три штуки: перегруженному мозгу нужно было кинуть топливо, а быстрые углеводы для этого подходят лучше всего. Тем временем перешли на обсуждение дела Петмансона, и командор делился своими соображениями:

– За все время существования Куполов в нашей базе нашлось лишь два подобных случая. Там, правда, все проще. В одном случае прибор оказался неисправен, и это обнаружилось сразу же, а вторая ситуация и вовсе к нам не применима. Она произошла около двухсот пятидесяти лет назад, во время бума изобретений кармографов. Собственно, это одна из самых успешных попыток: прибор что-то даже записывал, но, увы, все пластины с такой записью оказывались пустыми. Ни одного слепка он так и не сделал. Так что у нас, скорее всего, какой-то глюк кармографа или брак в пластине. Еще есть вероятность, что в квартире сбоят сигнал из-за работы какого-то устройства. Мне медики со «скорой» жалуются, что если рядом с домом проходят высоковольтные провода, то кардиограмму не снимешь, электромагнитное поле искажает картину. Про кармографы я ничего подобного не слышал, но все же нужно съездить в квартиру Петмансона, проверить.

С этими словами он достал из-под стола черный чемоданчик со знакомым кругом на крышке.

– Это кармограф? – обалдел Костя от того, что прибор вот так просто стоит под столом в горкоме Ордена.

– Ага. Тот самый, которым вы снимали карму Леонхарда Яновича. Съездите с ним в его квартиру, сделайте еще один слепок.

– С кого? – не понял Колесов.

– С себя. Увы, с Петмансона его сделать уже никак не получится. Хотя было бы крайне познавательно. Вдруг он действительно Просветленный? Да, за кармограф отвечаете головой. Вернуть мне в целостности и сохранности! Я взял его с вашей станции «скорой» помощи под свою личную ответственность.

– Понял.

– В квартире особо обращайтесь внимание на странности, непонятные вещи. Поговорите с соседями. Пусть они опишут этого Петмансона. Чем он занимался, кем был? Верующий ли? Возможно, причина в чем-то банальном, но, если есть хоть крошечная вероятность того, что это нечто иное, мы не имеем права сбрасывать ее со счетов. Даже если это кажется нам невозможным. Да, и я советую не откладывать расследование, а съездить на квартиру как можно быстрее, прямо сейчас. Из-за промедления даже в один день можно потерять все улики.

Очевидно, этот совет обсуждению не подлежал.

– Как мне туда попасть? Старик умер, дверь наверняка закрыта. Не ломать же ее, – спросил Костя.

– Зачем ломать? Не надо, конечно. Вы просто поедете туда как оперуполномоченный МВД, – огородил его командор и пояснил: – Все легально. У нас есть договоренность с полицией, и все наши инспекторы оформлены в особом отделе. Вы тоже, с сегодняшнего дня. Так что не стесняйтесь доставать удостоверение, если надо, и настаивать на всяческом содействии в расследовании. – С этими словами он открыл ящик стола, пошарил в нем и протянул Косте удостоверение с его фамилией, именем, отчеством и фотографией.

– Ого! – только и смог тот вымолвить. О таком в интернете точно не писали.

Амгалан подлил еще чаю.

– Ключи от квартиры обычно хранятся вместе с другими личными вещами в морге, куда увезли тело. При виде «корочки» их обязаны выдать. Если что – побольше уверенности в голосе, обычно помогает, – хмыкнул командор, явно что-то вспомнив.

– А как узнать, в какой морг увезли Петмансона?

– Это в архив. Они знают все!

– Третий этаж, да?

Амгалан кивнул.

– Я сейчас звякну там кое-кому, попрошу его помочь. Данзар Александрович – высококлассный специалист, найдет что угодно в два счета. Советую с ним подружиться, потому что в архиве вам придется жить. – Из уст командора это прозвучало как факт, обыденность. – Информация – наше главное оружие. После мозгов, конечно.

Мозги кипели. Впечатлений хватало уже с лихвой, хотелось затормозить, отдохнуть, но некогда. Предстояло заниматься расследованием, и очень бы пригодилась свежая голова. Костя потянулся за четвертой конфетой.

– Данзар должен был уже собрать досье на Петмансона. Почитайте, подумайте, может, найдете какие-то нестыковки или что-то необычное.

Амгалан Тумэнович провел краткий ликбез о том, что можно и чего нельзя инспектору во время расследования. Все опиралось на здравый смысл и логику: просто так о деле не болтать, но если действительно необходимо рассказать – делать это без подробностей об Ордене. Колесов вспомнил, что подписывал документ «о неразглашении», так что отдельно задал вопрос, чего именно ему нельзя разглашать. Командор успокоил, что ничего секретного тот еще не знает, так что может работать совершенно спокойно.

– Ведите дело, как считаете нужным, как подсказывает интуиция.

Костя кивнул и сунул в карман еще две конфеты.

«Архив» поражал воображение. Сленговое название Управления службы информации сбивало с толку и не отражало истинных масштабов того, чем занимались его сотрудники. Никаких стеллажей с бумажными документами тут не было. Вообще, зал больше напоминал аналитический центр фантастического будущего, а не библиотеку. Первым делом в глаза бросилось трехмерное изображение Купола выше человеческого роста, которое крутилось в центре зала. Присмотревшись, Костя узнал его: тибетский Купол на горе Кайлас. Самый первый из обнаруженных. Несмотря на то что все семь выглядели, казалось, одинаково – как гладкие белые «ракеты» высотой с пятиэтажный дом, все-таки небольшие отличия имелись. В основном из-за характера гор, где они появились.

Купол на Кайласе более узкий и меньше остальных из-за слишком маленького плато, на котором одновременно помещаются лишь несколько человек. Если возле русского Купола, на горе Белуха, помимо исследовательской станции вырос еще и небольшой поселок, то на Кайласе такое попросту невозможно. Все станции, вся инфраструктура вынуждены довольствоваться подножием.

Костя оторвался от созерцания трехмерной модели и перевел взгляд на рабочие места «архивариусов». В отличие от Управления расследований тут вовсе не было столов, их заменяла странная конструкция-трансформер из пластика. Больше всего это походило на кресло, совмещенное с компьютером. Видимо, каждый настраивал его под себя: большинство в нем полулежали, но некоторые сидели. Изогнутая конструкция не заканчивалась у ног, а вновь росла вверх, становясь держателем для монитора компьютера. Таким образом, архивариус мог лежать и видеть перед собой экран, а то и несколько: Костя заметил, что у некоторых было закреплено аж три. Судя по хаосу, каждый перетаскивал свое «кресло» в наиболее удобное ему место в зале.

Костя глубоко вздохнул, сжал кулаки и направился к людям. Он не очень-то легко сходился с незнакомыми, благо в работе реинкарнатора это и не нужно. Сейчас же все изменилось.

Во-первых, ему поручили «подружиться» с каким-то Данзаром Александровичем, но самым страшным было во-вторых. Очевидно, что инспектору необходимо уметь убеждать, входить в доверие, угрожать, казаться милым и добрым – в общем, всячески общаться с людьми, чтобы выуживать информацию. Это пугало намного больше.

Взгляд скользил по «креслам»-трансформерам и пытался выхватить нужного человека. Многие «кресла» стояли пустые, в двух он заметил пожилых женщин, а затем наткнулся на... гору. Костя на мгновение опешил. Но гора его увидела и пробасила на весь зал:

– Ты, что ли, Колесов?

– Я.

– Меня зовут Данзар, – обрадовался толстяк и протянул руку. – Да-да, знаю, странное имя. Мои родители – яростные буддисты, и их ничего не смутило в сочетании Данзар Александрович Абрамов. Меня, понятное дело, не спрашивали. Я хотел поменять имя на Дениса, но потом плюнул. К шестнадцати годам, когда это можно сделать самому, стало не до того, да и привык.

Колесов не ожидал так внезапно обрушившейся на него истории имени. Удивительное дело, Данзар меньше чем за минуту умудрился заполнить собою все огромное пространство архива: он был громок, весел, трещал без остановки и размахивал руками.

– Давай сразу на «ты». Не люблю все эти пафосные реверансы и социальные расшаркивания. Тащи пуфик, садись и рассказывай, зачем пришел. – Он ни на тон не снизил громкость своего баса, будто пытался докричаться до другого конца огромного архива.

У ближайшей стены обнаружилось множество пуфиков и кресел-мешков, видимо, для посетителей; Колесов принес один, плюхнулся в него и вкратце рассказал о совете командора съездить на квартиру. Данзар в это время задумчиво барабанил толстыми пальцами по подлокотнику, а затем те же самые пальцы, еще секунду назад казавшиеся неуклюжими, полетели, будто бабочки, по клавиатуре, прогоняя столбцы цифр и наименований. Костя даже прочесть их не успевал, не то что понять.

– Нашел. – Клацанье клавиш внезапно стихло. – Морг тридцать пятой больницы, адрес сейчас отправлю тебе. У них сегодня короткий день, так что поторопись. Пока будешь ехать – я им скину запрос от МВД, сообщу, что ты работаешь по этому заданию, а то на новенького могут и рывкнуть. Но потом обязательно расскажи, что найдешь в квартире этого Петмансона! Мы же теперь с тобой напарники, – пробасил Данзар и тут же услышал слева от пожилой сотрудницы:

– Данзар Александрович! Пожалуйста! Вы же не на стадионе!

Данзар сложил лодочкой ладони у груди, смиренно поклонился, будто китайскому мандарину, и пробормотал извинения, хотя было очевидно, что виноватым он себя совсем не ощущает. Затем развел руки, и Колесов оценил размах медвежьих лап.

– Говорят, я постоянно болтаю, причем громко. Вот уж не знаю, с чего они это взяли? Я всегда говорю только по делу! И не повышаю голос. Я ж не виноват, что у меня бас. Вот, помню, был один реинкарнатор, мы с ним работали по делу о пропавшей пластине, так у него баритон, но такой, что весь архив дрожал, а я всего лишь...

– Данзар Александрович! – снова воскликнула недовольная, а та, что сидела справа, лишь закатила глаза.

Костя улыбнулся. Кажется, проблема с коммуникацией решена. Хотя и странным образом.

Глава 3

До морга проще оказалось добраться на метро, так что Колесов нырнул в подземку на «Лхасской», а вынырнул уже через тридцать минут на окраине города. Дорога вела через небольшой парк, мимо дацана, чей блеск показался задолго до самого храма. Жидкое золото с крыши стекало на землю, превращаясь в маленькие огоньки; они танцевали вдоль дорожек, водили хороводы у входа, обнимали каждый столб. С началом Лхабаб дуйсэна огни мерцали везде, но особенно – в дацанах. Верующие спешили к началу хурала, будто ручейки вливались в расплавленное солнце. Каждый постарался принарядиться; из-за холода приходилось кутаться в теплые пальто, но из-под них виднелись яркие разноцветные одежды, особенно у женщин.

Три дня вся страна будет ходить друг к другу в гости, дарить подарки, буддисты примут участие в церемонии катхина, остальные проведут время с детьми и любимыми. Кому не нужны три дополнительных выходных? Наверное, только Косте. Все праздники, особенно религиозные, казались ему сумасшествием, и больше всего раздражал Сагаалган – буддийский Новый год, который, страшно подумать, длится аж месяц! К счастью, у реинкарнаторов не бывает праздников, люди умирают всегда.

Колесову пришлось, будто ледоколу, вклиниться в толпу верующих и пересечь ее поперек. На него удивленно оглядывались, но вежливо пропускали, притормаживая. На фоне пестрой одежды мирян и оранжево-желтых кашай монахов его пальто и высокие сапоги смотрелись черной кляксой посреди радуги.

В морге, спасибо Данзару, все прошло наилучшим образом, если не считать того, что пришлось побегать по всему зданию, отыскивая хоть кого-то, кто работает в этот праздничный день. Хмурый сонный дежурный – явно всю ночь отмечал – не задал ни одного вопроса, просто выставил на стол стандартный металлический пенал. Там вперемешку с часами, золотыми запонками, брелоком, кожаным кошельком и другими личными вещами нашлись и ключи.

Обратно до метро Костя решил пройти медленно и спокойно. Хотелось подышать холодным воздухом и привести мысли в порядок. Ему в этом лучше всего помогала чайная церемония, но это дополнительные два часа, которых сейчас не было.

Старомодные часы на цепочке показывали час дня. Женька постоянно подшучивал над ним из-за этих часов, обзывая замшелым ретроградом. Несмотря на обеденное время, есть не хотелось, и он ограничился кофейней по дороге. Отхлебнул горячую черную жидкость из большой чашки и достал планшет, врученный Данзаром. Подобные выдают в библиотеках, в закрытых секциях: ни сохранить, ни скопировать, ни изменить информацию на нем невозможно, следует только прочесть, после чего вернуть планшет обратно. Данзар закачал туда все, что собрал о Петмансоне, и это стоило изучить до поездки в квартиру старика.

Дата рождения, дата смерти, номер пластины с кармой; с женой лет пятьдесят как в разводе, дочь умерла, но осталась внучка, причем уже взрослая, других близких родственников нет... – это все сейчас не особо интересно, не важно, а вот то, что Леонхард Янович хоть и вышел на пенсию, но продолжал работать в НИИ реинкарнации на кафедре приборостроения, заставило Костю вздрогнуть. Слишком много воспоминаний нахлынуло на него. Слишком много связано с этой кафедрой. И все это Костя давно забыл. Очень надеялся на то, что забыл.

Петмансон оказался профессором, известным специалистом в области кармографостроения, издал несколько научных книг, ездил по миру с лекциями, по его учебнику учились студенты. Колесов вспомнил, что сам читал его труды, они даже есть в его домашней библиотеке, в той половине шкафа, где стоят книги по исследованию кармы.

Информации о Петмансоне оказалось много, в основном энциклопедического характера. Конкретику по делу придется добывать самому. При всей своей усталости и нелюбви к общению Костя сейчас рвался вперед. И дело не только в том, что он хотел доказать, что достоин

вступить в Орден, хотя он хотел это доказать. Костя считал, что смерть Петмансона – это его ответственность, его вина. Колесов помнил каждого, кого не смог спасти, всех, кому не успел записать карму. И это будто раны на его душе – со временем они рубцевались, но продолжали ныть. И вот сейчас еще одна. Формально он сделал все, что мог, но реинкарнаторы знали, что их работа не в том, чтобы нажать кнопку на приборе, а в том, чтобы обогнать смерть. Они чувствовали ее, ежедневно бегали с ней наперегонки, и в этот раз Костя не справился: старуха с косой каким-то образом обхитрила его, повредив прибор или пластину. И он обязан узнать, что произошло, чтобы такого больше никогда не повторилось.

Колесов долго колебался, куда пойти вначале: тестировать прибор в квартире или спрашивать соседей? Первое казалось проще и привычнее, поэтому он оставил это напоследок.

В файле кратко сообщалось о трех соседях Леонхарда Яновича по этажу. Семья из четырех человек, где мать – учительница в школе, отец – менеджер транспортной компании и двое детей – погодки, школьники. Холостяк сорока трех лет, безработный, перебивается случайными заработками. И одинокая старушка.

Костя прикинул, кто мог чаще всего общаться со стариком ученым. Семье явно не до него. Там работа, дети, школа, стирка, готовка. Такие обычно общаются с соседями, если у них дети подружились, тогда и взрослые приятелями становятся. Или же если сосед – немощный пенсионер, которому нужна помощь. Тогда учительница могла бы проведывать его, покупать лекарства, продукты. Но Петмансон был бодр практически до последних часов жизни. Сорокалетнему безработному вроде бы тоже без надобности общаться с пенсионером, пусть даже светилом науки. Будь он сам ученый или инженер – его могли заинтересовать разговоры с крупным ученым, но сосед подрабатывал то водителем такси, то грузчиком, то курьером. Вряд ли такой человек увлекался кармографостроением.

Оставалась пенсионерка. Примерно одного возраста с Леонхардом Яновичем, детей нет, сидит дома. Скучно, наверно. Шанс, что она периодически заходила на чашку чая к соседу, был высок.

Подъезжая к знакомой кирпичной башне, Костя уже знал, что делать...

– Фохао. Оперуполномоченный Колесов. – Он раскрыл удостоверение и поднес к щели между дверью и дверным косяком так, чтобы читалась фамилия. – Вы Василиса Степановна Мишкина? У меня к вам разговор... Я войду?

Испуганный взгляд был ему ответом.

– Да, конечно, проходите... – наконец словно очнулась седая сухонькая пенсионерка, с лязгом сняла цепочку и распахнула дверь. Черно-белая кошка высунула нос из комнаты, увидела чужака и юркнула обратно.

Костя только сейчас сообразил, что с последнего дежурства так и не помыл сапоги. И хотя грязь давно засохла, разгуливать в них по квартире, где пахло лекарствами, показалось невежливым. Он начал разуваться, но Василиса Степановна всполошилась:

– Что вы, что вы! Не надо! Идите так!

– Наслежу ведь.

– Ничего страшного!

Костя кивнул. По его опыту, споры со стариками занимали массу времени, а в итоге все равно приходилось делать, как им хочется, даже если это нелогично, неправильно, а то и вовсе вредно. Он лишь скинул в коридоре пальто и прошел вслед за хозяйкой на кухню.

– Хотите чаю? С печеньем. А еще у меня варенье есть, абрикосовое, без косточек, сама варила.

– Обожаю абрикосовое варенье! – соврал он. – Сто лет его не ел. Увы, его почти никто сейчас не делает, а в магазине не то, совсем не то.

– Кушайте-кушайте, у меня целая банка! – засуетилась старушка.

Костя придвинул большую чашку с бледно-желтым чаем и вазочку с вареньем. Ничего. Если надо, он готов съесть даже пачку лакричных конфет и не поморщиться.

– Василиса Степановна, вы же общались с Леонхардом Яновичем?

– Мы соседи, как не общаться? То лампочка перегорит, а мне нельзя на табуретку залезать, голова кружится, то деньги надо собрать на ремонт двери в подъезде, то еще чего. Неужто его убили?..

В ее глазах плескался страх, разбавленный любопытством, и Костя понадеялся, что разговор пойдет легко.

– Вы понимаете, я не могу этого рассказать. Тайна следствия... – многозначительно посмотрел Колесов и отхлебнул чаю. Тот, конечно, оказался отвратным. Пенсионерка сэкономила на заварке. – Расскажите, пожалуйста, что он был за человек.

– Да что рассказывать... Хороший человек! Добрый. Хоть и профессор, а никогда не отказывал, ежели помощь нужна. Приветливый такой... и дверь подержит, и вперед себя пропустит, и сумки мне как-то доносил до квартиры.

– Странностей за ним не замечали?

– Каких странностей?

– Может, пропадал куда-нибудь надолго. Или приходил к нему кто необычный. Или, может, он говорил вам что-то странное. Что-нибудь про следующую жизнь или про прошлую...

Мишкина в растерянности теребила кухонное полотенце.

– Ничего такого не замечала. Ну пропадал, но он, говорят, часто на сиптозиумы ездил...

– Симпозиумы?

– Да-да. На них. Гости бывали, конечно, тоже, но я же не следила. Это вам лучше у Юлии Дмитриевны спросить! Она постоянно отслеживает, кто пришел, кто ушел. Ноги у нее болят, почти не ходят, вот и сидит сутками напролет у окна, пялится, все ей интересно, кто к кому ходит, кто о чем говорит, сплетни по всему подъезду собирает.

– Спасибо, спрошу. В какой она квартире?

– Да в первой. Как раз окна рядом с входной дверью.

Костя сунул в рот ложку с вареньем, покивал, мол, вкусно и продолжил:

– А Леонхард Янович был верующим? Ходил ли в дацан?

– Да я что-то не замечала. С праздниками поздравлял, но ни Будды, ни благих символов я у него в квартире не видела.

– Ни с кем не ругался в последнее время?

Мишкина пожала плечами:

– Не слышала. Он вообще ни на кого голос не повышал. Хороший человек был, как жаль, что вот так быстро, в один день, сторел.

– В день смерти тоже ничего необычного не видели и не слышали?

– Я телевизор весь вечер смотрела, потом спать легла. Все как обычно.

Черно-белая кошка вбежала в кухню и прыгнула Косте на колени, включив урчалку.

– Маруся, да что с тобой?! Ты будто в детство впала, – Василиса Степановна смахнула ее полотенцем. Тогда Маруся начала тереться о Костин сапог.

– Иди, иди отсюда! – прогнала ее старушка и закрыла дверь на кухню. – Вот и в ночь, когда Леонхард Янович умер, эта егоза прыгнула на меня и давай башкой тереться. Не знаю, может, она так на новый корм реагирует? Или правда в детство впадает. Сто лет ее такой возбужденной не видела.

Костя вздрогнул, но не показал виду. Это могло быть все что угодно. Начиная с того, что кошка просто почуяла смерть и реинкарнатора, заканчивая... реакцией на новый корм.

Колесов еще раз похвалил варенье, отказался от баночки с собой и распрощался с пенсионеркой.

– Оперуполномоченный, говорите? Дайте-ка ваше удостоверение.

Костя просунул его в щель. Эта старушка оказалась не слишком-то приветливой. Впрочем, после изучения «корочки» дверь все же открыла, хотя и смотрела настороженно.

– Сапоги снимайте, нечего мне грязь разносить. – Голос у Юлии Дмитриевны оказался командный, громкий, он напомнил бас Данзара.

Чаю ему не предложили, хоть и провели на кухню. Впрочем, Костя лишь порадовался этому. Второй вазочки варенья он бы не пережил. Из окна действительно открывался прекрасный вид на входящих в подъезд.

– Говорят, вы знаете, кто к кому приходит, всех видите... – начал Костя, но Юлия Дмитриевна его перебила:

– Это вам Василиска напела? Да она больше меня сплетни собирает! Все про всех вынюхивает, а на меня ядом исходит. Конечно. Я-то могу увидеть, как все на самом деле, а ей остается лишь придумывать небывлицы!

– Юлия Дмитриевна, меня интересует только Леонхард Янович. Как часто у него бывали гости? Что за люди приходили? С кем он общался? Был ли кто необычный?

– Да люди как люди. Он ученый, кто к нему только не приходил! И студенты, и аспиранты, и другие ученые, да кто угодно. Конечно, необычные тоже были. Особенно молодежь! Те вообще все странные. Мода, что ли, сейчас такая? Джинсы какие-то, волосы разных цветов, сами в безумных перьях, то ли мальчик, то ли девочка, не отличишь!

– Может, Петмансон ссорился с кем-то накануне?

– Может, и ссорился, я-то откуда знаю? С лестницы никто кубарем не скатывался, а остальное я не вижу. Это вон у Василисы спрашивайте. У нее одна стенка с его квартирой.

Пенсионерка явно не горела желанием помогать и хотела побыстрее избавиться от незваного гостя. Он сделал еще одну попытку и добавил в голос мольбы:

– Юлия Дмитриевна, очень вас прошу! Это крайне важно! Произошло довольно странное событие, связанное со смертью Леонхарда Яновича, и нам просто необходимо разобраться в этом. Если мы не поймем, что происходит, это может привести к большим проблемам для всех живых. Только вы можете нам помочь! Вы наша последняя надежда! Пожалуйста, постарайтесь вспомнить, что происходило в день перед смертью Петмансона. Кто-то его навещал? Кошки странно себя вели? Сам Петмансон, может, был не в себе?

– Решили меня лестью подкупить? – нахмурилась пенсионерка, но Костя понял, что ее проняло. Она чуть расслабилась, поменяла позу на более открытую. – Накануне ничего такого не припомню. Ночью я спала. Но вот утром... кое-кто приходил. Часов в семь. У меня опять бессонница началась: сплю часа три-четыре, просыпаюсь и не могу уснуть. Так полночи маялась, под утро заснула, а разбудил рев. Гляжу: свет от фар пляшет по потолку. Ну, я к окну – глянуть, кто подъехал, а там машина реинкарнации. Выскочил мужчина такой, на вас похожий, высокий, и шаст в подъезд. Я все гадала, к кому он...

Костя напрягся. Еще не хватало, чтобы она его узнала! Но пенсионерка лишь скользнула по нему взглядом и продолжила:

– Он уехал, прошло минут двадцать, наверное. Я уже встала, чаю себе сделала – опять ревет мотор. Приехало такси, желтое, с шашечками. Из него вышел друг Леонхарда Яновича, уж не знаю, как его зовут, седой, с опущенными плечами. Удивилась еще, чего это он прямо с утра? Я только к обеду узнала, что профессор умер, тогда и поняла, чего друг-то его торопился. Не успел, бедняга.

Костя ухватился за новую информацию:

– Откуда вы знаете, что это был его друг?

– Константин Юрьевич, я пятьдесят лет живу в одном доме с Леонхардом Яновичем! И у него не так много друзей, чтобы я их не запомнила.

– Сможете составить его словесный портрет?

– Словесный – не знаю, а нарисовать, наверное, смогу, если еще не все забыла. Карандашом работала последний раз лет десять назад...

Вскоре Костя держал в руках вполне неплохой портрет пожилого мужчины с усталым осунувшимся лицом и грустными глазами. Ему можно было бы дать меньше шестидесяти, если бы не множество мелких морщин, паутиной покрывавших лицо и шею.

– Во что он был одет?

– В длинное серое пальто. И еще он нес чемодан, вот такой, как ваш, только коричневый, – кивнула Юлия Дмитриевна на кармограф, с которым Костя не расставался.

– Э-э... вы уверены, что коричневый? Не черный? – Костя знал, что коричневых чемоданов для приборов не бывает, и если друг Петмансона нес именно кармограф, что странно и маловероятно, то он мог быть только черного цвета.

– Молодой человек, – пенсионерка посмотрела с таким возмущением, что захотелось вжать голову в плечи, – я сорок лет проработала гримером на «Мосфильме»! Уж черный от коричневого я отличу даже на смертном одре!

– Но вы уверены, что чемодан такой же? Может, просто обычный дипломат? Они похожи размерами...

– Толще дипломата. Может, и не такой, как у вас, но очень похож.

– Он с ним приехал и уехал?

Юлия Дмитриевна наморщила лоб, вспоминая. Потом покачала головой:

– Выходил он точно с ним, держал в правой руке, а приехал ли – не помню. У меня ведь окна слева от подъезда, так что могла просто не видеть. Думаете, он украл чемодан у своего покойного друга?!

Тут Костя задумался о том, как вообще этот друг мог попасть в квартиру умершего. У него были запасные ключи? Или он успел еще до того, как дверь заперли?

– А не припомните, медицинская «скорая» и полиция подъехали до него или после?

– Помню. После.

«Значит, в квартиру он заходил, – понял Костя. – Дверь-то я не запираю, это должна была сделать полиция после того, как „скорая“ забрала труп».

Колесов поблагодарил пенсионерку, распрощался с большим облегчением и вновь вернулся на девятый этаж. Пора было зайти в квартиру профессора.

Ключ легко открыл дверь. При свете дня, без запаха смерти все казалось другим, незнакомым, будто Костя тут и не был никогда. На шум из комнаты вышла девушка и удивленно посмотрела на гостя.

– Вы кто?! – хором воскликнули оба, и девушка фыркнула, сдерживая смехок. – Вы первый!

– Я... ре... – начал было Костя, но осекся. – Оперуполномоченный Колесов. А вот кто вы?

– А сами-то как думаете? Кто бы мог находиться у старика Леона после его смерти?

– Вы его внучка?

– А вы сообразительный, оперуполномоченный, – съязвила она и тут же улыбнулась доброй, открытой улыбкой и протянула руку: – Меня Аня Ступина зовут.

– Константин Юрьевич. Можно просто Костя.

Рукопожатие оказалось твердым, мужским. Да и сама Аня не производила впечатления нежной фиалки, скорее уж классической русской бабы: крутые бедра, большая грудь, выдающиеся скулы, на первый взгляд казавшиеся пухлыми щечками. Но если чуть присмотреться, лишнего веса нигде не найдешь, просто особенности женской фигуры и крепкие мышцы. Вдобавок к шикарному телу – роскошные волосы до лопаток песочного цвета и ярко-синие, будто океан, глаза.

– И вы только сейчас доехали до умирающего дедушки?

– Раньше не успела. Только удалось вырваться с работы.

– Что ж это за работа такая, что даже к умирающему не отпускают? – проворчал Костя, ощутив укол ревности. У этой девушки был тот, кто ее ждал, кто хотел ее видеть перед смертью. Впрочем, хотел ли?

– Ну мы с вами в некотором смысле коллеги, только вы оберегаете жизнь, а я спасаю ее.

– «Скорая» медицинская помощь?

Аня улыбнулась:

– Почти. Но с теми, кто поступает по «скорой», тоже приходится работать.

– Реанимация.

– Как догадались?

– По рукопожатию.

– Жму руку, как мужик? – хмыкнула она. – Да, мне это неоднократно говорили. Ну а теперь, когда про меня все выяснили, расскажите же, что в этой квартире делаете вы.

– Ну я... – Костя замялся, не зная, как объяснить кармограф в руках. Полицейские же не снимают карму. Аня заминку восприняла по-своему:

– Так. Давайте честно. Я не буду вас сдавать в полицию.

– Полицию? Вы думаете, я вор? – Костя аж поперхнулся от такого предположения. – Ёккарганай! Вот мое удостоверение.

Он достал «корочку» и протянул ей.

– Полиция, значит, – задумалась Аня. – И чем вас заинтересовал Леон?

– Я не уверен, что могу говорить об этом.

Они встретились глазами, и Колесов будто нырнул с головой в глубину. После развода его еще ни к кому не тянуло, казалось, он вообще разучился любить. Но когда он заглянул в эти синие глаза, его сердце застучало, как у спринтера.

– Ладно, если вы не вор, то пойдете, угощу вас чаем. Или лучше кофе? – предложила Аня.

– Чай лучше, – внезапно охрипшим голосом ответил он.

– Да, я вот тоже кофе не люблю.

Пока она возилась с водой и рылась в шкафчиках, Костя взял себя в руки. От нее веяло спокойствием и умиротворенностью – такая особенность, видимо, вырабатывается у тех врачей, которые на самом деле любят людей. Рядом с ними тревоги уходят, и ты, как ребенок, веришь, что пришли родители и теперь уже ничего не страшно. Доброе отношение к себе Костя ощутил даже под маской ехидства, и это казалось удивительным.

А ведь она младше него. Сколько ей? Двадцать шесть? Двадцать семь? Точно еще нет тридцати. И это скорее он должен ощущать себя ее покровителем. Возможно, дело в том, что она действительно спасает жизни, а он просто их записывает...

Шерстяные брюки с шелковым поясом, завязанным бантом, хоть и скрывали округлые бедра, но не сильно, а однотонная серая водолазка и вовсе подчеркивала размер груди и казалась самой сексуальной одеждой. За пышными формами угадывались тугие мышцы; в движениях виделась не грациозность кошечки, а скорее сила тигра: энергичная, взрывная, но плавная. И еще: Аня его совершенно не боялась. Не восторгалась, не лебезила и не презирала. Впрочем, она не знала, что он реинкарнатор.

– У Леона только зеленый чай. Вы же пьете такой? – уточнила она, на секунду замерев с чайником.

Костя кивнул. Сейчас он выпил бы даже ацетон. Но странная юношеская робость быстро отступила, и Колесов вернулся к своей обычной манере общения. Без реверансов.

– А вы совсем не переживаете из-за смерти дедушки?

– Если скажу, что нет, это сильно вас шокирует?

Костя пожал плечами. Он видел столько разных реакций на смерть, что шокировать его уже ничего не могло.

– Во-первых, мы не сильно-то общались, не до меня ему было. Ну я и не настаивала. А во-вторых, я совершенно точно знаю, что после смерти жизнь продолжается. Так чего расстраиваться?

– Большинство с вами не согласилось бы. Люди боятся умирать.

– Большинство боятся в другой город переехать! Это ж не значит, что за Москвой жизни нет и нужно оплакивать тех, кто уехал в Питер.

Костя улыбнулся:

– А многие и оплакивают.

Чай оказался правильным, вкусным. Золотые запонки, кожаный кошелек, хороший чай... Леонхард Янович был мало того что не бедным человеком, но и разбирался в дорогих вещах.

– Так что вам тут надо? Я могу пообещать, что никому не скажу, но, согласитесь, я имею право знать, зачем вы пришли. – На Костю смотрели синие глаза, и он спрятался от них, разглядывая чайники в чашке. Молчал, крутил тонкий фарфор в руках и обдумывал ответ. Наконец поднял голову:

– Мне нужна кое-какая информация, и я надеюсь ее тут найти.

– Может, для начала расскажете?

Помощь не помешает. Аня может знать о своем дедушке то, о чем инспектор никогда не догадается. Костя вдруг понял, что ищет рациональные причины предложить ей работать вместе, хотя самая главная заключалась в том, что его тянуло к ней. Вместо того чтобы позвать на свидание, как это делают нормальные мужчины, он тащит ее в свою работу, потому что не умеет иначе показывать свои чувства. «Ёккарганай! Ну и ладно. В конце концов, командор сказал вести дело так, как я считаю нужным, а я считаю, что Аня мне нужна», – подумал Костя и расслабился. А затем рассказал историю с пластиной.

– Это очень плохо, – нахмурилась Аня. – Получается, что дедушка умер? Я правильно поняла, что из-за проблем с пластиной его карма не записалась?

– Мы пока не знаем. Карма-то записалась, но она пустая. И пока мы не разберемся, что это значит, пластину не загрузят в Купол.

– А до тех пор, пока ее не загрузят в Купол, Леон не сможет переродиться, – нахмурилась Аня.

Костя кивнул.

– И этим занимается полиция?!

– Да. Особый отдел, который работает с Орденом реинкарнации.

– Я могу вам помочь в расследовании? – Океан в глазах потемнел, будто готовясь к шторму. Наверное, с таким выражением лица Аня сражалась за жизнь тех, кто поступает в реанимацию.

– Я был бы этому рад.

– Хорошо. Можете на меня рассчитывать.

Костя почувствовал, как в груди что-то екнуло. Оказывается, он боялся, что она не предложит свою помощь.

Как объяснить, почему у сотрудника полиции в руках кармограф и что он с ним собирается делать, Колесов так и не придумал, поэтому просто попросил не мешать проводить осмотр и не входить в комнату. Если она и узнала черный чемоданчик с характерным кругом на крышке, то вопросов не задавала, лишь молча кивнула.

В спальне все сохранилось так, как он помнил: у окна широкая кровать, а вдоль всех стен – стеллажи с деталями. Чем именно занимался Петмансон? Что изобретал? Надо бы поинтересоваться на кафедре.

Первым делом Костя выглянул в окно – не проходят ли там провода, нет ли рядом трансформаторной будки или чего-то, что может создавать помехи. Но нет. Ничего. Лишь соседние дома вдали. Деревья доходили лишь до третьего этажа и с высоты девятого казались втрое

меньшими. Что может создавать помехи? Если только работающий в квартире прибор... Колесов обшарил все полки, заглянул даже под кровать, но увидел там лишь пыль да след, словно от лежащего недавно ящика.

Придется самому побыть подопытным кроликом, но к этому не привыкать. Пластин с его кармой у «скорой» уже, наверное, целый ящик наберется, как и с кармой других реинкарнаторов. То попадешь случайно «в кадр», то ежегодная резервная запись, да и тестирование работоспособности приборов на ком проводить, как не на себе?

Черный чемоданчик он положил на то же место, что и позавчера, нажал кнопку и лег на кровать. Через минуту прибор пискнул.

– Это все, что вы тут хотели? – спросила Аня, когда он вышел из комнаты.

Косте почудилось сожаление в ее голосе, но, возможно, он сам его придумал.

– Нет, мне еще нужно осмотреть квартиру. Поможете?

– Помогу! Но если бы я знала, что вы ищете, я бы могла помочь еще лучше!

– Если бы я сам знал, что ищу...

Они обошли еще раз спальню, гостиную и коридор, заглянули во все шкафы, выдвинули все ящички и внимательно осмотрели детали, наваленные на полках стеллажей. Через час Колесов сдался. Он не представлял, что ищет, так что все это казалось бессмысленным. Нужны были какие-то зацепки.

Ежедневник в черном кожаном переплете нашла Аня, когда отправилась заваривать чай. Тот лежал на кухне, на полочке среди специй. Видимо, Леон накануне что-то в нем записывал, потом отвлекся, да так и оставил там. Со смешанным чувством радости и волнения Костя вглядывался в первые страницы, но чем дальше листал, тем больше разочаровывался. Выудить оттуда какую-то полезную информацию оказалось невозможным. Банальные бытовые записи: заплатить за квартиру, купить хлеба, не забыть позвонить Петру И. и Наталье Андреевне. Попадались записи и о встречах с разными людьми, но кто они – знал лишь автор этих записок.

И так до последней страницы. За пару недель до смерти планировалось подъехать к какому-то Макееву, через день торопливым почерком было вписано «позвонить Вите», а затем шло напоминание о лекции в институте. И все это вперемежку с записями о походе к кардиологу, покупке таблеток и зубной пасты. Видимо, у Леона сердце начало сдавать давно. Костя не знал официальной причины смерти – он никогда не читал медицинские отчеты о своих пациентах, но инфаркт опознал и сам, пока делал слепок. Приступы боли в груди, кашель, холодный пот... все как в учебнике.

Дальше находиться в квартире не имело смысла, но Костя медлил. И хотя они с Аней обменялись номерами телефонов, он искал хоть какую-то причину задержаться еще чуть-чуть. Уходить не хотелось. Казалось, за окном зима, метель, темно и холодно, а он дома, под одеялом, ему тепло и хорошо. И это ощущение создала девушка, в чьих глазах плескался океан. Но разумных причин оставаться больше не нашлось. Костя собрал размазанную в манную кашу волю и попрощался.

Холодный воздух взбудрил, порыв ветра бросил в лицо мелкую морось и прочистил мозги. Колесов уходил от дома и с каждым шагом все больше стряхивал с себя притягательность тигриных движений и синих ехидных глаз. За тридцать пять лет он совершенно точно понял, что в этой жизни ему предназначено одиночество. Да, безусловно, девушка яркая и интересная, и его сердце, оказывается, еще способно на такое отзываться. Стоит просто молча этому порадоваться и продолжить идти своей дорогой.

Сейчас дорога явно вела к Амгалану, по эскалатору в метро и далее на «Лхасскую». Организм робко напомнил, что с утра почти ничего не ел, но его, как обычно, проигнорировали.

С волнением, похожим на любовное томление, Костя приложил к турникету свой собственный, пусть и временный, пропуск. Стеклопакеты горкома Ордена открылись, про-

пуская в другой мир, мир исполнившейся мечты, доступный ему, по крайней мере, еще три месяца.

– Поздравляю с почином. Хорошая работа, – улыбнулся Амгалан, выслушав рассказ о посещении дома Петмансона. – Вы уж извините, что вместо праздника заставляю заниматься делами.

– Ничего, я все равно не праздную.

– Почему?

– Ну... Я не религиозен.

– Не верите, значит.

Косте показалось, что командор даже расстроился.

– Я верю в то, что могу увидеть, пощупать. Верю в реинкарнацию, в Купола и кармографы. Верю в то, что наши поступки определяют нашу дальнейшую жизнь, то есть формируют карму. Допускаю, что существуют иные миры, в которых люди могут переродиться, если умрут без записи кармы. Но вот в богов, гору Сумеру, повелителя мира Индру и прочее... нет, не верю.

Костя понимал, что этим признанием скорее всего ставит крест на своей мечте. Орден реинкарнаторов при всей своей нынешней прагматичности и демонстративном невмешательстве в религиозные дела родился как буддистский, и состоять в нем означало служить Будде. В Ордене считали, что именно Будда Шакьямуни создал Купола и вернул людям воспоминания о прошлой жизни. Но Костя понимал и то, что притворяться верующим глупо. Во-первых, эту ложь довольно быстро обнаружат, и будет некрасиво, во-вторых... его либо примут таким, какой он есть, либо их пути разойдутся. При всем своем огромном стремлении служить Ордену Колесов не хотел предавать самого себя. Он – это единственное, что у него осталось.

– Обычно к тридцати пяти годам реинкарнаторы приходят к вере. Сложно видеть и чувствовать столько, сколько мы, и оставаться атеистом, – покачал головой Амгалан. – Вы, наверное, очень одиноки. И несчастны.

– Почему? – вздрогнул Костя. Он предпочитал считать себя не одиноким, а одиночкой и уж точно не связывал это с атеизмом.

– Потому что все явления в мире связаны, и лишь религия дает ключ к познанию этой связи и ее возможностям. Я очень сочувствую неверующим, им тяжелее всего. Образно говоря, буддисты тащат свою лодку вместе, а атеисты – по отдельности и с завязанными глазами.

– А мне кажется, что глаза завязаны именно у верующих. Им настолько страшно в реальном равнодушном мире, что они придумывают себе бога и другие иллюзии. Психзащита. Понимаю. Не осуждаю, но не использую.

– Вы образованный человек, вы же знаете, что по сравнению с авраамическими религиями человечества в буддизме нет ни бога, ни законченной концепции мира, – улыбнулся Амгалан Тумэнович. – Это чистой воды учение опыта. Сам Будда Шакьямуни говорил о том, что не стоит верить ни одному его слову и что каждый человек должен удостовериться в правдивости его слов на своем личном опыте. Те, кто идет духовным путем, разум используют намного чаще веры. В основе буддизма лежат около трехсот томов учений: если бы одной веры было достаточно, не было бы нужды составлять столь обширное собрание философских трактатов.

– Со многими буддистскими философскими доктринами я согласен, но это не побуждает меня ходить в дацан.

– Вот я и говорю, что у атеистов завязаны глаза. К вам приходит врач и рассказывает, как вылечить болезнь, но вместо того чтобы пойти за лекарством, попробовать его и эмпирическим путем понять, подходит ли оно, вы продолжаете лишь рассуждать о болезни и назначениях врача.

– Или же мы просто не верим шарлатанам?

Доржиев в задумчивости взял со стола четки, перебрал несколько бусин, а затем спросил:

– Вы согласны с тем, что рождение есть страдание, старение есть страдание, смерть есть страдание? Горе, скорбь, боль физическая и душевная, отчаяние, невозможность получить чего желаешь – все это страдание.

Костя кивнул.

– Что причина страдания заключается в наличии желаний, то есть привязанностей к чему-либо.

Костя снова согласился.

– Тогда из этого логично вытекает, что прекращение привязанностей ведет к прекращению страданий. Другими словами, если нет желания купить автомобиль, то и нет страданий по поводу того, что на него не хватает денег, что он сломался, что его украли и так далее. Ну вот. А Будда рассказал, как прекратить эти привязанности, дал методичку. Перечисленное мною и есть четыре Благородные Истины, на которых стоит буддизм. И как я понимаю, вы согласны с тремя из них, но почему-то не делаете последний шаг: не идете по пути, ведущему к прекращению страданий. Религия от философии отличается именно действием. Мало соглашаться с доктринами, нужно еще что-то делать. Хотя бы попробовать принимать лекарство и оценить, помогает ли оно.

– Наверное, я не настолько несчастлив?

– Или просто не верите, что можете стать счастливым, – покачал головой командор. – Ладно, это долгий разговор, если захотите – продолжим когда-нибудь. Я сейчас отдам пластину с вашей записью из квартиры Петмансона в хранилище на проверку. Зайдите попозже, думаю, через час уже будет готово.

Костя удивился, как быстро тут работают. Всего час! На «скорой» подобное заняло бы больше недели – почти столько потребовалось бы на разные согласования.

– А пока я вас попрошу разузнать побольше об этом друге Петмансона и постараться найти его. Если с вашей кармой на пластине все в порядке, а я подозреваю, что в порядке, то он – наша единственная ниточка, за которую можно вытянуть это дело.

Костя кивнул. Ясно, что из архива он в ближайшие дни вылезать не будет.

Данзар обрадовался ему, как старому другу.

– Ну? С добычей? – Этот бас услышали, наверное, и на первом этаже, к счастью, большинство членов Ордена уже ушли, зал пустовал.

– Да. Надо опознать вот этого человека, – протянул Костя карандашный рисунок и рассказал все, что узнал от двух соседок.

В разговоре Данзар казался простодушным большим увальнем, но преобразался, когда принимался за дело. Сосредоточенный серьезный взгляд следил за потоками информации, пальцы без остановки порхали над клавишами, даже поза неуловимо менялась, и Данзар казался стройнее и собраннее. Костя невольно восхищался его работой, понимал, что тот умен, как дэв. Вряд ли в Орден берут дураков или простаков.

– Кажется, похож. – Костя вцепился взглядом в найденную фотографию.

– Определенно похож. – Архивариус приложил карандашный портрет к монитору. – Скинь своей гримерше, пусть посмотрит, но я думаю – это он.

Звонок Юлии Дмитриевне подтвердил слова Данзара. Другом Петмансона оказался Виктор Андреевич Кучик, шестидесятидвухлетний заместитель заведующего лабораторией кафедры приборостроения НИИ реинкарнации, той самой, где работал Леонхард Янович.

– Телефон его найдешь?

– Уже. – Данзар попробовал дозвониться, но по громкой связи раздалось: «Абонент временно недоступен».

– Скинь, пожалуйста, все, что нашел. – Костя протянул выданный ему утром планшет.

Ожидая, пока скопируются файлы, Костя подумал об Ане. Она могла знать близкого друга ее деда.

– Увы, нет. Но Леон давно со мной не общался, не до меня ему было, он с головой ушел в свои изобретения. – Ее голос по телефону звучал столь же притягательно, как и вживую, но оборвал еще одну ниточку Костиной надежды.

– А над чем именно он работал перед смертью?

– Об этом он мне не докладывал. Но если хочешь пообщаться с Кучиком – позови меня.

– Зачем?

Аня фыркнула:

– Кому он больше расскажет, мне или полицию?

Костя промолчал, хотя мысленно признал ее правоту. Ему и хотелось, и не хотелось тащить ее с собой. Это всего лишь ее голос, а его накрывает волна блаженства. Решать что-то в таком состоянии нельзя. Надо взять паузу, попрощаться и положить трубку, но... это внезапно стало невыполнимой задачей. С трудом выталкивая слова из горла, он прохрипел:

– Я перезвоню.

Палец казался стокилограммовой штангой, но Костя все же смог с ним совладать и нажать отбой. М-да. Он определенно влюбился. Из грез и размышлений его выдернул бас Данзара:

– Зайти к Амгалану, у него для тебя новости.

Костя кивнул и в очередной раз за этот долгий день пошел в Управление расследований.

Мягкая ковровая дорожка глушила звук шагов, с фотографий на стенах смотрели знаменитые реинкарнаторы и ламы прошлого, в груди разливалось приятное тепло, и он почувствовал себя почти счастливым. Здесь он не изгой, а свой – вот то самое чувство, которое держало его на «скорой». Только там часто приходилось одному выходить в агрессивный внешний мир, сталкиваться с ним лицом к лицу. В Ордене же ощущалась такая поддержка, что любая агрессия казалась смешной, несерьезной, будто котенок, скалящий зубы.

Сердце снова забило от волнения перед входом в зал инспекторов. Если повезет и это Управление станет родным и привычным, то Костя перестанет бояться испачкать мозаичного уробороса и, возможно, его чашки и даже перчатки найдут свое пристанище на общем столе в эркере. Пока же восторг от созерцания не притупился, наоборот, незамеченное в первый раз бросилось в глаза. Кофейный автомат при входе. Плетеные корзины для мусора у столов инспекторов.

Амгалан Тумэнович помахал, приглашая зайти в его кабинет. Оказалось, что Костина карма записалась без проблем. То есть дело было не в помехах и не в кармографе.

– И я вас очень прошу, найдите этого Кучика и поговорите с ним. Спросите, что он делал в квартире, какие у них с Петмансоном были отношения, над чем работали, с кем еще общался Леонхард Янович, были ли у него враги, занимался ли он оккультными практиками, шаманизмом. В общем, узнайте как можно больше об этом человеке, – попросил командор.

– Оккультные практики? Шаманизм? Вы серьезно?

– Абсолютно. Мы пока не понимаем, что происходит, поэтому нельзя отметить ни одну гипотезу.

Очевидно, что у командора гипотез происходящего было гораздо больше, чем у начинающего инспектора, но у того не укладывалось в голове: неужели враги могли помешать записи кармы? Или это сделал шаман? Оккультизм... Но это же бред! Или нет?.. Впрочем, это все второй вопрос. Вначале нужно найти Кучика.

– Сейчас же еду в институт!

– Э-э... Притормозите. Институт еще два дня закрыт. Праздник же.

– Ёккарганай! Может, тогда домой к нему съездить? Вдруг он там, а телефон просто неисправен.

Командор согласился, и Костя рискнул задать мучивший его вопрос:

– Я бы хотел взять с собой внучку Леона. Аню Ступину. Помните, я про нее рассказывал? Может, с ней Кучик будет более расположен к беседе.

– Хорошо, – услышал Костя, и у него отлегло от сердца. – Если потребуется помощь инспекторов или безопасников – обращайтесь. Не думаю, что вы застанете Кучика в квартире, но проверить стоит. И еще одно. После этой поездки вы возвращаетесь домой и отдыхаете. Вам просто необходимо сегодня хорошо выспаться.

Амгалан Тумэнович смотрел совершенно серьезно, и Костя так же серьезно кивнул.

Снова метро, снова ступени, лестницы и эскалаторы. Он влетел на «Лхасскую», не замечая ни статую Будды из слоновой кости у входа, ни цветную роспись стен, изображающую Поталу и ее окрестности. Не видел и скульптур в греко-римском стиле на станции «Спортивная», куда приехал через двадцать минут. Москвичи никогда не замечали красот собственного метро, они им просто пользовались, лишь изредка на секунду останавливались, с восхищением обнаруживали: ну надо же! Оказывается, тут очаровательно! А затем вприпрыжку, через две ступеньки, выбегали из метро к автобусу. Ветер и мелкий дождик за шиворот, пение хуралов из дацана и огни вдоль дороги Костя тоже не заметил. Аня выехала сразу после его звонка и уже, должно быть, находится на месте. Нехорошо, когда девушка ждет.

В густой темноте этого осеннего вечера он бы ее не узнал, но у подъезда лишь одна фигура приплясывала от холода. Смешная шапка с ушками и ярко-зеленая куртка превращали ее в беззаботную девочку-подростка, никогда не встречавшуюся ни со смертью, ни с болезнями. Костя рядом с ней почувствовал себя старым и циничным. Он не умел забывать, даже на время, все, с чем сталкивался по работе. Наверное, поэтому и не умел веселиться, не любил шумные компании и походы по клубам. Ему было проще выпить дома одному, тем более что пьяный он становился еще более мрачным и несносным, чем трезвый, – и прекрасно знал об этом.

– Позвоню ему еще раз.

Костя набрал номер мобильного телефона, но тот снова оказался вне доступа. По домашнему слышались лишь длинные гудки.

– Если он там, то говорить буду я, – безапелляционно заявила Аня, и Костя не стал с ней спорить. Удостоверение полицейского всегда успеет показать.

Кучик жил на первом этаже, так что уже через минуту они трезвонили в дверь, но никто не открыл. Оба не поленились, вышли снова на улицу и обошли дом, заглянув во все окна квартиры, но нашли в них лишь плотно зашторенную темноту. Дома явно никого не было.

– Может, он в магазин ушел? – цеплялся Костя за последнюю надежду. И что делать дальше? Сидеть тут и ждать? А вдруг Кучик уехал... ну, например, к родственникам на праздники. Или всего лишь вышел погулять с собачкой?

– Давай еще раз позвоним в дверь, – предложила Аня, и они вернулись на лестничную клетку. Впрочем, никто им так и не открыл.

– Проверим, что там? – Аня достала из кармана куртки скрепку, изогнула в форме крючка и сунула ее в замок. Увидев ошалелый взгляд, пояснила: – Старые навыки. Я не всегда занималась тем, чем сейчас.

– Память о прошлой жизни, понимаю... – Колесов тактично не произнес такие слова, как «домушник» и «воровство».

– Да нет, какая там прошлая жизнь! Все в этой. Просто иногда, чтобы оказать помощь, приходилось вскрывать замки. Люди вообще это любят – закрыться. Вот я и научилась открывать.

В голове у Кости пронеслась картина, как пациент звонит в «скорую» медицинскую помощь, а затем уже физически не может открыть дверь. И да, если знаешь, что там кто-то

валяется с инфарктом, а счет идет на минуты, то тут не до тактичности, придется научиться вскрывать двери.

Аня прислонила ухо к замку: кажется, он щелкнул еще до того, как скрепка коснулась штифтов.

Аня улыбнулась и гордо посмотрела на соратника, затем толкнула дверь и зашла первой. Оба замерли в коридоре, оценивая ситуацию. Лишь тиканье часов откуда-то из комнаты нарушало тишину.

– Эй! Есть кто дома?

Костя в глубине души все же боялся увидеть возмущенного хозяина, но никто не вышел. Они явно одни.

Квартира напоминала скорее номер в гостинице, чем жилой дом: везде стерильная чистота и минимум вещей. Идеально белой плитки на кухонном полу, кажется, вообще не касалась нога человека. Громко тикали напольные часы в гостиной, а большой плоский телевизор прикрывала тряпочка – от пыли. То есть хозяин квартиры знал, что вернется не скоро.

– Похоже, Кучик уехал.

– Причем явно собирался впопыхах, – согласился Костя, когда они заглянули в спальню. На кровати валялась одежда, что резало глаза в сравнении с идеальным порядком в остальной квартире.

– И сумку, похоже, поменял в последний момент, взял совсем небольшую, ручной багаж, чтобы долго таскать с собой. То, что не влезло, просто бросил. То есть ехал, не зная, когда и где сможет остановиться.

– Мы опоздали.

В этот момент Костя осознал, что дело глубже и сложнее, чем он предполагал. Похоже, Кучик очень торопился из-за смерти друга. Что произошло? От чего один умер, а другой в этот же день сбежал? Один другого убил? Ерунда. Костя был с Леоном практически до его смерти. Или им обоим кто-то угрожал и Кучик бежал, чтобы спасти свою жизнь?

Нужно было обо всем подумать на свежую голову. Увы, время теперь есть, торопиться бессмысленно: Кучика он упустил.

Глава 4

С утра, выспавшись, как и велел командор, Костя поехал в офис горкома, даже не задумавшись о том, что он может быть закрыт. Костя привык, что реинкарнаторы работали по своему графику, не ориентируясь на праздники и выходные. Однако по дороге засомневался, застанет ли командора: все же тот буддист, а сегодня второй день Лхабаб дуйсэна, день, когда верующие посещают дацаны, слушают праздничные хуралы, зажигают огни, благодарят матерей за саму жизнь.

Небольшая очередь у турникета на вход в офис обнадежила. Значит, наверняка и Доржиев придет, если не сейчас, то позже, можно подождать в инспекторском зале. Кажется, там стоял автомат с кофе.

Вначале показалось, что в зале никого нет, и Костя медленно пошел вдоль рядов темно-коричневых полированных столов, проводя пальцами по их гладкой поверхности. Возможно, за каким-то из них вскоре ему сидеть. До сих пор Костя не видел ни одного инспектора, и любопытство разгоралось все больше. Кто они? Как его примут? Какие тут порядки? В спину ему смотрели лишь одинаковые черные глаза мониторов.

Но не все столы были пусты. Монитор, клавиатура и телефон не в счет, в них нет индивидуальности. Фотография ребенка в рамке и небольшая черная орхидея рядом говорили об инспекторе больше, чем он бы сделал это сам. Или вот стол, обклеенный записками с напоминаниями, да календарь за 2459 год весь в пометках, некоторые даты обведены фломастером. Но Костю привлекли горящие свечи. Конечно, светодиодные, члены Ордена не безумцы. Одна освещала фотографию Далай-ламы XIII, другая – ритуальный серебряный буддистский колокольчик. Между ними притулилась статуэтка Купола, но какого из семи – не опознать. Сердце ужалило яркое напоминание о том, что Орден не просто занимается обеспечением безопасности Куполов и записи кармы.

Костя развернулся и пошел обратно, к «аквариуму», и лишь сейчас заметил, что в нем люди. Спиной к нему стоял командор, и Костя одновременно смутился, что не заметил его сразу, и обрадовался, что не придется ждать. Он уже хотел ускорить шаг, но внезапно остановился. Мягкие ботинки, в отличие от хромовых сапог, не выдавали его присутствие. Амгалан Тумэнович кого-то обнимал. Виднелись лишь длинные черные волосы и руки, оглаживающие плечи Доржиева. Оба были настолько поглощены друг другом, что не замечали ничего вокруг. Кажется, дама шептала что-то на ухо мужчине, но стены «аквариума» заглушали звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.